

Саша Токсик



**Стоп. Снято
ФОТОГРАФ СССР
ТОМ I**

Фотограф СССР

Саша Токсик

Стоп. Снято!

Фотограф СССР. Том 1

«автор»

2023

Токсик С.

Стоп. Снято! Фотограф СССР. Том 1 / С. Токсик — «автор»,
2023 — (Фотограф СССР)

Из гламурных двухтысячных в солнечный 1978-й. Из глянцевого журнала в сельскую районку. Надои... Покосы... Доски почета... Но хороший фотограф нигде не пропадет. "Зиночка, хотите сняться в стиле "ню"? Не знаете, что это?! Садитесь поближе, я сейчас расскажу!"

© Токсик С., 2023

© автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Саша Токсик

Стоп. Снято! Фотограф СССР

Том 1

Глава 1

– Денис Альбертович... Дэн... – ассистент кутюрье рядом со мной говорит с придыханием, – вы такой креативный... Я ощущаю ваш муд...

Артурчик прицепился как репей. Обычно он тихий, но сегодня хватил лишнего и берега путает.

Я слегка охреневаю. Понятно, что Артурчик намекает на мой ставший уже легендарным, пофигизм. Но как звучит!

– Отстань от меня, нечисть! – отмахиваюсь от него, как бык от слепня.

Вот ведь дрянь, такой вечер портит! Коллекцию самого мэтра отечественной моды Сени Феоктистова показывали. А сейчас афтепати. Самая интересная часть.

Табуны симпатичных тёлочек вертят пухлыми задами и светят содержимым декольте. Они извиваются на танцполе, ходят взад-вперёд стайками или щебечут друг с другом, стараясь попасть при этом на глаза нужным людям.

Один из самых нужных людей здесь – я. Девочки это знают, поэтому вокруг меня бурлит небольшой водоворотик из кокетливых взглядов и симпатичных поп.

А тут эта погань мешается!

– Я на вас давно обратил внимание, Денис Альбертович, – идёт в очередную атаку Артурчик.

– Пойдём-ка, друг мой, потолкуем. – не выдерживаю я.

Ставлю стакан с яблочным соком на стойку. Этот напиток по виду и консистенции – один в один, как виски. А я не люблю напиваться. На трезвую голову жизнь интереснее. Вот и шифруюсь.

Веду пылкого ассистента в сторону лаундж зоны. Здесь между чилаутом и баром есть один коридорчик. С камер он не просматривается, и охрана сюда не заглядывает. В Луна-сити, одном из самых модных клубов столицы я бываю часто и знаю небольшие секреты этого места...

– Исчезни, ушлёпок, – я сопровождаю слова лёгким, но чувствительным тычком в печень. – И чтобы я тебя здесь сегодня больше не видел.

Обычно я людей не бью. Но иногда без этого тебя не понимают.

– Боольно, – хнычет Артурчик, сгибаясь пополам, – я Арсению Геннадьевичу пожалуюсь! Он с вами контракт расторгнет!

– Жалуйся, дружок. – говорю я, давая ему понюхать свой кулак, – но завтра. А сегодня – исчезни.

Ассистент, опасливо косясь на меня, скользит по стеночке и смывается. В сторону выхода, что характерно. Вот и ладушки.

Над его жалобой Сеня в лучшем случае поржёт. В худшем – выкинет за дверь без выходного пособия. Я сегодня им обоим большое одолжение сделал.

Тут в зале и депутаты есть, и банкиры, и такие ребята, которые за подобные фразы шлёпнуть могут в переулке, ибо в их среде это «зашквар».

Сеня Феоктисов сам не пропускает ни одной юбки, и резвится среди своих моделек как акула в стайке золотых рыбок. Но на людях напускает на себя томный и богемный вид. Иначе его майки-алкоголички со стразами, и треники с золотыми лампасами плохо продаются.

Это я вытащил коллекцию Сени на развороты «Космо» и «ВОГ», после чего её захотели показать все столицы Высокой Моды.

Я не волшебник. Я фотограф.

Доходы позволяют мне жить в любой точке мира, но я люблю Златоглавую с её разгульной удалью и дикими контрастами. «Да, скифы мы... да азиаты мы...» К тому же славянки – самые красивые девушки в мире.

Один снимок может сказать больше тысячи слов. Он может возвести на Олимп и сбросить с него. Поэтому, заработав имя и получив «карт-бланш» от ведущих мировых журналов, я всё реже снимаю моделей, и всё чаще разлившуюся нефть, мёртвых птиц и больных детей. Вот и сейчас у меня дома на флешке лежит настоящая бомба, которая взорвётся завтра.

Завтра. А сегодня я отдыхаю.

Воспитание Артурчика оставляет после себя скверное послевкусие, и я решаю валить с вечерины.

Что выбрать, юность или опыт? Красивые и ухоженные женщины в платьях от модных домов хоть и не кружат вокруг меня, но кидают заинтересованные взгляды. Актрисы, певицы, телеведущие. Некоторые упрашивают меня о фотосессии годами. Любая из них поедет сейчас со мной, даже если пришла со спутником или мужем. «Прости, дорогой, это работа...»

Другой вариант – юные дебютантки. Пылкие, старательные, готовые на всё ради глотка славы. У такой главное – паспорт спросить. Проблемы с законом мне ни к чему.

Окидываю клубное болотце ленивым взглядом аллигатора и делаю бросок.

Сегодня меня тянет на нуар. В поле зрения попадает худая, но большегрудая девица с прямыми чёрными волосами и тёмно-бордовой помадой на пухлых губах. Совсем светлая, молочно-нежная кожа. Мини-платье из чёрного кружева. Женщина-вамп. Точнее, пока вампирёныш. Но станет вампом, это я, Денис Ветров, гарантирую.

– Пойдём, – говорю ей без предисловий.

– Куда? – пухлые губки заманчиво приоткрываются от удивления.

– Сниматься, – отвечаю ей и молча иду к выходу.

Девчонка слегка растерянно семенит следом. Я не оборачиваюсь, но слышу сзади поступь её каблучков. Мы садимся в тёмно-синий Порш бокстер. «Имидж – всё», как завещал Андре Агасси. Между прочим, первая ракетка мира.

Июльский воздух душный и липкий. Хотя я не пил алкоголь, голова слегка гудит от клубной долбёжки. Ничего, сейчас свежий ветер вычистит из башки всю эту муть. За это я и люблю кабриолеты.

На трассе мы одни. У выезда из города к заднему бамперу пытается прилипнуть тёмная туша внедорожника. Посостязаться со мной решил, чудила. Выжимаю педаль в пол, и внедорожник остаётся позади. Моя спутница повизгивает от восторга.

Чувствую её ладошку у себя на брюках. Ловкие пальцы расстёгивают молнию. Поездка будет ещё приятнее, чем я ожидал.

Сбавляю скорость. Тут не до гонок, руль бы удержать. Нуарная девица старается, пачкая ширинку помадой. Внедорожник снова нагоняет. Машу ему рукой, показывая, чтобы обгонял. Не до него сейчас. Тот приветливо мигает фарами и перестраивается влево, обходя по встречке. Огромная машина ровняется с моим шустрым бокстером, а потом резко сдаёт вправо.

Удар! Мы летим в кювет, переворачиваясь в воздухе. Никакой крыши, чтобы принять на себя удар у бокстера нет. Нас просто расплющит в лепёшку.

* * *

– Алик, вставай! Опоздаешь! – звонкий голос пробивается сквозь тягучий словно медовая патока сон. – Вставай, окаянный!

Что-то ледяное льётся мне за шиворот. Тело реагирует быстрее мозга, и я пружиной вскакиваю на ноги. Стоящая передо мной молодая женщина смеётся. Успеваю заметить, что она очень красива. А вот того, кто сшил это уродливое ситцевое платье в цветочек, убил бы. Её внешность кажется мне знакомой. Бабуля?!

Кажется, последнее слово я говорю вслух.

– Ополоумел, что ли?! – возмущается женщина, – Какая я тебе бабуля? Или ты мне так намекаешь, что с Лидкой вы не только за ручку держитесь? Так я этой шалаве устрою! Яблочко от яблоньки...

– Нет-нет! – трясую головой, уступая напору. – Это я спросонок... Перепутал...

– То-то же, – сразу же успокаивается женщина. – Умывайтесь, граф, вас ждут великие дела!

По этой неожиданной фразе я окончательно убеждаюсь, что передо мной бабуля. Была она натурой артистической, с юности работала в районном доме культуры, и с лёгкостью переходила с дворово-простонародного на «высокий штиль» и обратно.

Проскальзываю мимо неё в летнюю кухню. Тут висит, видимо, вечный умывальник, под которым стоит цинковое ведро. В юности я каждое лето жил у бабули и сейчас узнаю знакомую мебель и предметы. Только выглядят они иначе. Ярче, новее...

Что за сон такой странный. Последнее, что я помню, удар и летящий в кювет бокстер. Может, я в коме, а сознание играет со мной в игры?

Слышал, что во сне человек не может посчитать свои пальцы. Вытягиваю вперёд ладони... Пять... десять... Под ногтями траурные ободки, да и сами ладони непохожи на мои. Наконец-то додумываюсь поглядеть на себя в зеркало.

Парень в зеркале худой и вихрастый, очень похожий на меня лет в семнадцать. Но есть и отличия. Гуще брови, подбородок чуть твёрже, более «волевой». Правильно, все мне говорили, что подбородком я «в маму». Сам я маму никогда не видел, она умерла при родах. До совершеннолетия меня воспитывал отец. Пока не пропал.

«Добрые люди» утверждали, что он нашёл себе «новую бабу» в одной из своих очередных командировок. Сын подросток с непростым характером стал «обузой». Я никогда в это до конца не верил, но искать его не стал, даже когда вырос и получил такую возможность благодаря деньгам и связям. Может, просто боялся, что самая циничная версия окажется правдой.

Сон это или коматозный бред, но «реальность» вокруг совершенно реальна. Моё сознание в теле моего отца, а за окном... Смотрю на настенный календарь, который бабуля всегда вывешивала у комода. На картинке колосится поле, по нему фигабит ярко-красный комбайн. Соцреализм.

А за окном, оказывается, тысяча девятьсот семьдесят восьмой! Тридцатое мая.

– Сколько можно копать? – заглядывает в дверь бабуля, – опоздаешь же.

Только какая она мне бабуля? В этом сне она мне – мама. Я пробую в уме на вкус слово, которое никогда не произносил.

– Сейчас... мама, – решаюсь, наконец, сказать вслух, – а куда я опоздаю?

– Ты свою голову у Лидки на лавочке забыл? – снова беззлобно заводится она, – фотографируетесь вы сегодня на выпускной альбом! С областного центра фотограф приехал!

Фотограф, это серьёзно! Вон с каким придыханием она это произносит. Правда, вспомнив историю с географией, можно её понять. Березовский район, откуда родом отец и бабуля – забытая богом глушь в окружении чернозёмных полей и заросших бурьяном оврагов. Это в

нулевых, когда проложили скоростное шоссе, сюда потянулись любители «экотуризма», чтобы делать селфи с уцелевшими в перестройку коровами.

А в конце семидесятых чтоб сюда добраться, надо было трястись часов пять по разбитой дороге. Или самолётом. Кукурузником. Так что фотограф из области – событие вселенского масштаба. Хотя и выпуск в районной школе тоже не каждый день случается.

Сон затягивался. На пальцы я смотрел, щипать себя тоже пробовал, так что все стандартные методы испытаны. Остаётся действовать по ситуации. А значит, не впадать в истерику и постепенно изучать обстановку.

Правда, надев на себя школьный костюм, я едва не палюсь. Из всех сил сжимаю губы, чтобы не заржать. Штанины брюк по-модному заголяют щиколотки, а запястья торчат из рукавов, словно костюм сел на пару размеров после неудачной стирки.

– Вытянулся-то как, – умилённо складывает руки на груди мама.

Значит, не сел. Просто я подросток, а новой школьной формой никто не озаботился. Правильно, нафига? Через пару недель она уже не понадобится. А пока и так сойдёт.

Мой образ завершает белая рубаша, с жёстко накрахмаленным, словно деревянным воротником. Или, не завершает? Чего-то не хватает. Мама выжидающе смотрит на меня, а я не знаю, за что хвататься. Красный галстук? «Как повяжешь галстук, береги его. Ведь он с красной рыбой, цвета одного». Нет, это у пионеров. А я уже комсомолец, наверное.

Точно, комсомолец, вот и значок на лацкане. «Партия сказала – надо, комсомол ответил – ЕСТЬ!». Блин, одни штампы в голове. А настоящих знаний нифига. «Совок»... «застой»... Как тогда люди жили? Или это уже «сейчас»? Мозг постепенно привыкает к безумному варианту, что моё сознание после смерти попало в тело моего отца.

Мама решительно открывает ящик серванта и достаёт широченный, тёмно-синий с переливами, галстук.

– Отцов, – поясняет она, – вот ты и вырос, Алик.

Отец, то есть по-настоящему, мой дед погиб на производстве. Авария на заводе. Они в те времена случались чаще, но знали о них меньше. Соцсоревнование, пятилетки в четыре года... Деда замотало в конвейер. Хоронили в закрытом гробу.

Не живут в нашем роду мужики. Не знаю, особенность характера это, или проклятье какое.

Бабушка «поднимала» отца одна. Молодая, но перспективная актриса областной филармонии бросила сцену и уехала в глушь. Сельским ДК требовались сотрудники, и тем, кто соглашался работать, сразу давали жильё.

Так, семья и оказалась в Берёзове. Не то город, не то большой посёлок. Один детсад, одна школа, два вытрезвителя. Последняя деталь особенно запала в память, отец часто любил шутить на эту тему.

Я машинально завязываю галстук свободным оксфордским узлом, смотрю на маму и понимаю, что снова косячу. Ловкое движение пальцев и узел распадается.

– Мам, завяжешь?

– Иди сюда, горе луковое, – мама улыбается. – Вот поступишь в институт... поедешь в город. Кто тебе будет галстук завязывать? Учись уже.

Она затягивает мне узел плотным треугольником и вдруг порывисто обнимает.

– Всё, иди уже. – машет она. – А то без тебя фотографию сделают. Срамота.

Общественный транспорт в Берёзове не появился даже в двухтысячные. Всё потому, что пройти городок из конца в конец можно за полчаса. Так что опоздать мне трудно. Путь от дома до школы быстрым шагом через дворы занимает минуты три.

Райцентры бывают разные. Есть вполне себе солидные города в несколько заводов с приземистыми хрущёвками и панельными девятинами. Есть «жемчужины зодчества» где каждый

дворник может рассказать вам про то, как Пётр Великий мучил на этих улочках с Екатериной Второй, а население состоит из музейных дам бальзаковского возраста.

Есть города-спутники, прилепившиеся к мегаполисам, так что даже непонятно где заканчивается один и начинается другой, с дешёвым жильём и особо злобной местной гопотой.

Так вот, это всё не про Берёзов. Городом его способен назвать только тот, кто никогда в Берёзове не был. Дом в три этажа считается здесь небоскрёбом и несусветной глупостью. Какой нормальный человек станет жить в таком скворечнике?

До революции Берёзов был обыкновенным посёлком в составе Кадышевского уезда. Неугомонные большевики всё делали по-своему и нарезали несколько гектаров чернозёмных полей, холмов, перелесков и болот в отдельную административную единицу.

Зная местных, никто не горел желанием возглавить эту мутную затею. Мне всегда казалось, что депутат от Берёзова проспал то самое памятное собрание, поэтому не смог откресть от почётного права высоко и гордо нести трудовое знамя. Были в округе сёла и покрупнее, и народу там было побольше. Но поезд истории прошёл мимо и остановился в Берёзове.

Глушь, конечно. Но глушь уютная, солнечная и ромашковая. В детстве, которое пришлось на голодные и недружелюбные девяностые, я это место вообще обожал.

Вот и сейчас мои тревожные и путанные мысли словно тают под ласковым солнышком самого конца весны.

Замечаю и разницу с тем, что осталось в памяти. Домики вокруг проще и беднее, но симпатичней, чем в моё время. Нет одинаковых безликих стеклопакетов и вездесущих металлических заборов. На многих окошках резные наличники, наружу развиваются кружевные занавески. На подоконниках дремлют или зыркают глазищами наглые коты и кошки.

Успеваю удивиться чистоте вокруг. Потом соображаю, что главных «загрязнителей»: пластиковых бутылок и полиэтиленовых пакетов из «Пятёрочки» в Россию ещё не завезли. А если бы вдруг такая яркая и интересная штука и оказалась выброшенной, её бы моментально пристроили к делу, или хранили бы для красоты.

Топот за спиной не услышать невозможно. Кажется, что по моим следам бежит носорог. Поскольку, замедляться неизвестный топтун не собирается, я просто делаю шаг в сторону и, на всякий случай подставляю ногу. Просто, чтобы выиграть время.

Глава 2

– Алик, офонарел, что ли?! – источник шума улетает в репы, и теперь, лёжа там громко возмущает, – А если б я пиджак порвал? И ещё не факт, что не порвал!

– Нефиг напрыгивать, – уклончиво отвечаю я.

Всё вокруг мозг воспринимает странно. С одной стороны, я понимаю, что это действительно происходит со мной. С другой – смотрю на события словно со стороны, как будто оказался в фильме с собой в главной роли. Поэтому и действую немного механически, как будто в игре.

Трудно поверить, что я действительно только что закончил десятый класс и иду в школу. А ещё устраиваю разборки с таким же недорослем, как и я, в антураже бурьяна и покосившихся заборов.

– Да ты всегда задумчивый, как слон, – доносится в ответ из репейника, – проехал бы на тебе немного. Не развалился бы!

Кто же ты такой? Друг или враг? О юности отца я не помню ничего и сейчас понимаю в какую жопу угодил. Ведь все вокруг меня знают, а я, наоборот, ни хрена не понимаю в местной системе взаимоотношений. «Синдром самозванца» в полный рост.

Агрессии в голосе не чувствуется, и я подаю топтуну руку, чтобы тот смог подняться. Тем временем разглядываю его, чтобы составить мнение. На задиру непохож, скорее непоседа-троечник. Вместо белой рубахи с галстуком, на нём лихая ковбойка, и я ему отчаянно завидую. А что, так можно было? Неужели, отец был "ботаником"? Хотя упоминания матери о Лидке-шалаве говорят об обратном.

Коренастый, плотный на две головы ниже меня, но по весу, пожалуй, что и потяжелее. Тёмно-русый, на самой грани рыжины. Щёки покрывают весёлые веснушки, а нос отчаянно курносится.

Эти веснушки выталкивают из памяти имя. Дядя Женья. Евгений Ковалёв – друг отца. Фарцовщик, ларёчник, а потом воротила агробизнеса. Бывал у нас дома в мои школьные годы, а потом пропал, как и всё, что связано с папой.

– Женья? – осторожно спрашиваю я.

– Чего? – сопит он, – извиняться будешь? Даже не пытайся! Я это тебе припомню и страшно отомщу. Жди! И вообще, Копчёный обещал тебе башку отбить, ты в курсе?

– За что? – изумляюсь я.

– За Лидку, конечно, – поясняет Женья. – Настучал ему кто-то уже, что ты с ней вчера опять ходил. Ну вот нахрена тебе это, а? Знаешь же, что сегодня она с тобой гуляет, завтра с ним, а послезавтра с Максом из Заречья. А ты без башки останешься.

Женья относится к тому типу людей, которым нужен не собеседник, а свободные уши. Я только киваю, когда возникают паузы, а он вываливает на меня потоки информации, произошедшей с момента нашего с ним прошлого расставания. Большая часть внимания уделяется ветреной Лидке, и я уже сгораю от любопытства перед встречей с местной фемме-фаталь.

Площадка перед школой полна народу. Выпускной класс, двадцать два человека. Сама школа, типовое двухэтажное здание, сияет новой побелкой и свежевывмытыми окнами. Пожилая женщина, очевидно, наша классная руководительница, пытается выстроить великовозрастных оболтусов в две шеренги, но через секунду они расползаются вновь в бесформенную толпу.

Не выдержав, она разворачивается и уходит в здание за подмогой. Мы с Женьей вливаемся в толпу одноклассников. Он жмёт кому-то руки и хлопает по плечам. Я стараюсь не отставать, внимательно приглядываясь к окружающим и стараясь их запомнить.

– Ветров, Ветров, ты меня уже в упор не замечаешь? – слышится за спиной ехидный голос. – Прошёл мимо и даже не поздоровался!

Я оборачиваюсь и в первую минуту теряю дар речи. Чёрные волосы, пухлые губы. Она очень похожа на девушку с афтепати. Не так чтобы одно лицо, но вполне могла бы быть её младшей сестрой.

Так вот ты какая – Лида, за которую мне грозят голову отбить. Пожалуй, в свои семнадцать я бы рискнул.

Простое школьное платье не скрывает достоинств вполне созревшей фигуры. Замечаю, что у Лиды подол юбки сантиметров на десять короче, чем у остальных. И это явно не фабричный брак. Брюнетка знает свои сильные стороны и умеет их использовать.

Впечатление портит косметика. Вряд ли советским школьницам разрешали краситься каждый день, но сегодня ради выпускной фотографии сделали поблажку. У Лиды яркие голубые тени, словно подрисованные детским цветным мелком, а губы горят как декабрьская рябина.

Прелестница районного масштаба трактует паузу по-своему.

– Язык проглотил? – вредничает она.

– Привет, – отвечаю.

Другого она пока и не заслужила.

Вокруг нас собираются зрители. Сериалов в это время ещё не придумали, так что народ ловит адреналин в живом общении.

– Привет?! – удивлённо гнёт она тонкую бровь, – И это всё?! Где извинения? Где букеты роз? Где раскаяние и осознание своей вины?

У меня вдруг по правде перехватывает горло, сердце начинает колотиться как сумасшедшее, а глаза щипать. Ещё секунда и рухну перед ней ниц и стану умолять о прощении.

Ничего себе, как у меня гормоны шибают! Взяла папеньку в оборот эта профурсетка. Хорошо, что молодой и растущий организм к инсульту не склонен, а то лопнет в башке какая-нибудь жилка от таких эмоциональных нагрузок, и досвидос.

Я взрослый и серьёзный знаю, как сбивать с таких охреневших особ понты и ставить их на место. Но тело подростка не желает это понимать. Его бросает то в жар, то в холод. Ему хочется прямо сейчас полететь в космос и принести ей оттуда звезду.

Один способ прийти в себя я знаю. Представляю себе лесное озеро на закате. Вода чистая и прозрачная. На дне виден каждый камешек. Я легко могу разглядеть лицо этой сучки, которое я держу под водой. Она выпускает ртом пузырьки... буль...буль... буль...

Фууухх... волнение отпускает. Становится смешно. Меня пытается строить какая-то малолетка. Ничего, сейчас тебе отольются страдания безответного Алика.

– Прости, – виновато склоняю голову, – не узнал тебя в гриме.

Лиза сначала благосклонно принимает извинения... А, потом до неё доходит! Она хочет бросить что-то резкое, и тут в нашу беседу вторгается громкий ржач.

– «Не узнал в гриме», – Женька держится за живот от хохота, – это как в "Иван Васильевич меняет профессию"? Лидка, а может ты Иннокентий Смоктуновский?!

Вокруг нас начинают хихикать. Красотка становится пунцовой. Она резко разворачивается на каблуках и уходит, гордо вскинув подбородок.

Не теряя времени, Лида удаляется к компании пацанов, которые стоят в стороне. Один из них смолит окуроч, поглядывая, чтобы училка не спалила, когда вернётся. Остальные плюются семечками и громко гыгыкают, игнорируя окружающих.

Местные плохиши. Аристократия помойки. Тело Алика реагирует на них чересчур бурно. Били его, что ли?! А, нет, вон оно в чём дело. Лида подходит и начинает шептать что-то на ухо одному парню, то и дело бросая взгляды в мою сторону.

А вот и Копчёный. Я представлял себе такого громилу под два метра ростом и с пудовыми кулаками. Вместо этого вижу смуглого парня чуть ниже среднего роста в рубашке канареичного цвета с большим воротником, торчащим поверх пиджака. Модник.

Тёмные волосы Копчёного свисают длинными прядями, а над верхней губой пробиваются редкие усики. Ими он, по-видимому, очень гордится. Я заметил, что у многих парней причёски удлинённые. Не совсем до плеч, но уши прикрывают. "Как у Битлов", – снова всплывает в голове голос бабули.

Сходство с Ливерпульской четвёркой действительно наблюдается. А ещё, почему-то с мультиком «Приключения бременских музыкантов». Словно одноклассники сейчас извлекут откуда-нибудь винтажные гитары и запоют: «Мы к вам приехали на час...».

У нас с Жекой затылки и виски выбриты, что соответствует примерно современной канадке. Я снова делаю неутешительный вывод, что Алик – типичный «ботан». Интересно, что в нём, а теперь уже во мне нашла такая фифа, как Лида? Она тут, похоже, всем классом вертит как хочет.

А интерес присутствует. Вот как суетится, пытаюсь Алика на эмоции раскрутить. Брюнетка громко хохочет над неслышными мне словами Копчёного, всем видом показывая, что разговор идёт обо мне, и пару раз невзначай задевает его бедром.

Организм Алика бурлит от возмущения, но я уже приноравливаюсь перехватывать его душевные порывы. Так что равнодушно отворачиваюсь и завожу разговор с ближайшей ко мне одноклассницей.

Это оказывается блондинка с круглым простоватым лицом и курносый носом.

– А чего мы ждём? – спрашиваю её.

– Говорят, фотограф на обеде задерживается, – охотно отвечает она.

При словах «фотограф» и «обед» у меня возникает плохое предчувствие. В моё время существует негласное правило, кормить и поить творческих людей, таких как фотографы, видеооператоры или журналисты, нужно ПОСЛЕ того, как они сделают свою работу. Иначе случаются форс-мажоры.

Наша учительница возвращается вместе с невысоким, коренастым мужчиной в спортивном костюме и со свистком на шее. Тот быстро принимается за дело. Свистит в свисток, перебивая все разговоры, и командует построиться.

Становимся по росту, что, мне кажется, очевидной тупостью. Я, кстати, не сразу нахожу своё место. Оказываюсь четвёртый по росту. Неплохо. И рост, и осанка у отца хорошие, этим он не похож на традиционного зубрилу. А вот физически он себя, конечно, запустил.

Мужской коллектив, он со времён пещерных не сильно изменился. Авторитетом всегда пользуются те, кто может своё мнение подкрепить ударом кулака. Хотя бы по столу. Алик этим пока похвастаться не может, но это дело поправимое.

Физрук, а никем другим персонаж со свистком быть не мог, лихо тасует нас, ставя высоких в задний ряд, а коротышек вперёд. Все тут же начинают меняться и перемещаться. Учительница всплёскивает руками, физрук хмурит брови.

И тут со стороны сквера к нам приближается процессия.

Впереди, гордо, как линкор в чужих территориальных водах плывёт женщина с бульдожьим лицом и высокой причёской. «Степанида», – шушукаются одноклассники. Оказывается, это директор школы. Вид у неё недовольный.

За ней, сгибаясь под тяжестью штатива и сумки через плечо спешит мужик средних лет с ранней лысиной и сизым носом. На лысине выступают капли пота. День сегодня жаркий. Мужик останавливается, чтобы промакнуть их большим клетчатым платком, а потом устремляется вслед за Степанидой.

Следом семенит молодая девушка в лёгком летнем платье и легкомысленными светлыми кудряшками. Она похожа на всех героинь фильмов про Шурика сразу. Явная спортсменка и комсомолка. Кудряшка практически примиряет меня с эпохой, в которой нет инстаграма, кабриолетов БМВ и виски Чивас Регал двенадцатилетней выдержки.

Дело в том, что мои одноклассники и особенно одноклассницы определяются моим тридцатидвухлетним мозгом как дети. Даже прелестница Лида не вызывает никакого желания её поцеловать, а тем более чего-то большего. Я чту Уголовный кодекс и этот набор статей вбит буквально в подсознание.

Вид у кудряшки виноватый. Ей что-то нудно выговаривает сутулый субъект в костюме цвета детской неожиданности. Она кивает головой и краснеет. Накосычила в чём-то.

– Ида Степановна! – выскакивает наша училка, – выпускники для фотографирования построены.

Степанида к ней даже не оборачивается. Она окидывает нас тяжёлым взглядом.

– Лиходеева! Иди умывайся! Стеганцева, тоже! БЕГОМ!

– Ида Степановнааа... – канючит Лида. – это же фотооо... На память...

– Вот-вот, – Степаниду сбить с толка невозможно, – у всех память останется, что ты размалёванная, как матрёшка.

Лидка краснеет от возмущения и убегает в сторону школьного здания. За ней следом плетётся ещё одна жертва гламура. Надо же, слово «гламур», тут ещё не знают, а жертвы уже есть.

Мой коллега из прошлого выставляет штатив. Сверху взгромождает футуристического вида камеру. Фотик выглядит так, словно сбежал из научно-фантастического фильма. «Человека-амфибии», например. Основательный металлический корпус. «Зализанные» обводы. Вот бы его в руках покрутить, а ещё лучше опробовать...

Грешен, люблю красивые вещи. Такими и пользоваться приятнее, и работают они, как правило, лучше, потому что сделаны с любовью. Не зря итальянцы чтут промышленный дизайн не меньше, чем технологии. Но здесь, явно отечественный производитель, и это заставляет пошевелиться внутри червячку сомнения. Таким ли убогим был «совок», как принято считать?

Он что, переставлять нас не будет? Так и оставит стоять, где физрук построил? Я затылком чувствую, как со спины фигачит солнце. Пересвет же дичайший, в наше время, это даже дети знают. Задник за спиной будет беленький, а наши лица – чёрненькие и никаким фотошопом это не вытянешь. Сомневаюсь, что у этого парня будет фотошоп.

Сколько раз выезжая на съёмки мне приходилось слышать: «Какой сегодня отличный солнечный денёк! Повезло вам!». Бесят такие высказывания неимоверно. В солнечную погоду все здания и пейзажи получаются плоскими, словно их рисовал ребёнок, не имеющий представления о перспективе. А на лицах, наоборот, залегают глубокие тени. Чернота под глазами, дыра под носом и куча других приятностей.

В этих случаях выручают тень, отражатели и прямые руки. Но ничего из этого списка я сейчас не наблюдаю. «Отмахнись, как оно есть». Фотограф колдует над своей камерой, выставив экспозицию, ухватившись за штатив, как за спасательный круг. Беднягу штормит. Да он пьян в хламину!

– Может быть, перенесём съёмку? – с сомнением говорит Степанида. – Товарищу бы передохнуть перед таким ответственным делом.

– Никак нельзя, – встречает виноватая девушка, – у товарища фотографа автомобиль ждёт, товарищу в область сегодня надо.

– Всё намана! – рапортует товарищ фотограф, – Мастерство не пропьёшь.

Смотрю на всё это с умилением, словно вернулся в свою фотографическую молодость. Сколько таких коллег мне пришлось понаблюдать за свою профессиональную жизнь. Мне-то на эту общеклассную фотографию наплевать. Я с этими людьми восемь классов не заканчивал и сегодня вижу в последний раз. Если всё окружающее, конечно, не бред умирающего мозга и не рассыплется, когда моя душа отправится на собеседование к апостолу Петру.

А вот среди девушек начинается паника. Громче всех слышно оторву Лиду. «Он же пьяный... меня значит, умываться отправили, а сами... что же с фото будет?!».

- Ша! – фотограф завершает процесс подготовки и решительно поднимает руку.
- Улыбочку! Ещё раз! Отлично! – он протягивает вверх большой палец, – Стоп, снято!
- Это всё? Можем расходиться? – послышался гомон.
- Всё стоим, никуда не уходим! – командует классуха.

Она подходит к Степаниде и начинает с ней о чём-то шушукаться. К ним подтягиваются остальные действующие лица.

Фотограф сделал своё чёрное дело и пошатываясь бредёт в сторону. Он присаживается на бордюр, потом откидывается спиной на траву и замирает в неподвижности.

- Устал, бедняга, – комментирует Жека.

– Да что это такое?! – со слезой в голосе говорит Лида, – я сегодня два часа накручивалась и всё зря.

– Ребята, спокойнее, – встречается худенькая очкастая блондинка с пышной, как пакля, причёской. – Видите, тут товарищ Комаров из райкома. Он во всём разберётся. Не надо сеять панику!

– А ты, Аллочка, не на комсомольском собрании, – тут же шипит на неё Лиза, – так что не командуй тут. Твой "товарищ Комаров" что, встанет и сам нас сфотографирует?

Не знаю, что служит причиной. Может то, что я до сих пор не воспринимаю окружающий мир как реальность и плевать мне пока и на Степаниду, и на товарища Комарова. Может профессиональная гордость и презрение к таким вот пентюхам. Ну а может, желание Алика выпендриться перед Лидой и перед всем остальным классом до кучи.

Только ноги сами выносят меня вперёд.

– Ветров, ты чего?! – разворачивается ко мне навстречу учительница, – я не разрешала никому уходить!

– Позвольте, я сфотографирую, – говорю со всей возможной убедительностью, – я умею.

Глава 3

– Это кто вообще такой? – товарищ Комаров смотрит на меня, как на мышь посреди кухни.

– Альберт Ветров, наш отличник и активист, – оправдывается учительница. – он фотографией увлекается, – не слишком уверенно добавляет она.

Училка явно недовольна моей выходкой. Выскочек во все времена не любят.

– А ты сможешь? – восклицает с надеждой кудряшка.

Она сейчас готова схватиться за любую соломинку. Миссию по сопровождению фотографа, судя по всему, доверили ей, и она перестаралась с гостеприимством.

Глаза Степаниды поднимаются на меня как два оружейных жерла. Точно, не женщина, а линкор. В её голове идёт сложная мыслительная работа.

– Всего один кадр, – говорю я, – Хуже уже не будет.

– Будет, – изрекает Степанида, – если он фотокамеру сломает. Вещь ценная. Дорогая.

Про меня она говорит в третьем лице, словно я недееспособен и за меня должны отвечать «взрослые».

– Моё дело предложить, – пожимаю плечами я, – Выпускной класс без фотографии останется. Без вариантов. Думаете, у него резкость свелась хоть на что-то?

Я показываю на «товарища фотографа». Тот уже дрыхнет, выдавая носом мелодичные рулады.

– А кто в этом виноват? – неприятный тип из райкома прессует взглядом няшу.

– Сами же сказали «накормить гостя», – по десятому кругу оправдывается она, – Кто ж знал, что, он так накушается...

– Это техника профессиональная, надёжная, – продолжаю давить, – и я умею с ней обращаться.

– Под мою ответственность! – выпаливает няша.

Кажется, у меня в советском прошлом появился союзник. И союзник очень симпатичный. Оглядываю её внимательнее. Навскидку ей больше двадцати пяти, но тридцатника ещё нет. Блондинистые кудри рассыпались по плечам в творческом беспорядке, красивые серые глаза на мокром месте. Красоту и молодость не могут скрыть даже отчаянные попытки держаться серьёзно.

– Вам ещё за срыв съёмки предстоит ответить, – не унимается райкомовский.

– Раз под вашу, Марина Викторовна, – расплывается в улыбке Степанида, – тогда другое дело.

У любых «ответственных» товарищей первое дело – перевалить ответственность на других.

– Значит, можно? – уточняю.

– Приступайте, молодой человек, – величаво кивает Степанида, хотя наверняка знает и моё имя и фамилию. Не так уж много у неё выпускников.

Беру в руки фотик и чувствую благоговейный трепет. Люблю технику, особенно когда она основательная и сделанная с душой. «Киев – 10», вот, оказывается, как тебя зовут, зверюга. Не может быть, чтобы ты принадлежал этому пентюху. Это, как увидеть бомжа за рулём феррари. Дело даже не в том, что такие люди неспособны купить дорогую технику. Они неспособны её ЗАХОТЕТЬ, осознать её ценность. Такие всё на свете будут измерять в бутылках водки или мешках картошки.

Аппарат, наверняка, служебный. Трудится пентюх в какой-нибудь редакции или пресс-службе, а в свободное время шабашит на рабочем оборудовании. Хотя пресс-служб тут нет.

Значит, в редакции. Схема знакомая и печальная. Не убережёт тебя такой владелец. Разгокает по пьяному делу или пролюбит где-нибудь.

У техники есть душа. Говорите мне что угодно, но я в это верю. У «Смены – 8 м» она задорно-пионерская. «Что мне снег, что мне зной, что мне дождик проливной...». У NIKONов пафосно-капризная, к ним надо ласково, с подходом, с церемонией. У ЛОМО-компакта душа хипстерская. Это значит, что с ним не делай, всё равно получится говно.

Со своими фотиками я даже разговариваю, естественно, когда не видит никто. У меня и так чудачеств достаточно.

Вот почему деятель искусств такой расслабленный! У этого чуда советской техники экспозиция выставлена на букву «А». Автомат! К своему стыду, я даже не слышал о такой функции на старых фотоаппаратах. За исключением весьма сомнительного ЛОМО-компакта. Да, недооцениваем мы СССР. Эта мысль приходит ко мне сегодня уже второй раз.

Наличие автомата не заменяет прямых рук. Некоторые думают, что с этой волшебной функцией можно отключать голову. Увы, кнопки «сделать зашибись», нет даже в фотошопе.

Я чувствую, как аппарат открывается мне. Слово ворчливый служебный пёс он обнюхивает незнакомого кинолога. Достоин ли тот работать с ним вместе. Подчиниться ли ему или прокосить под дурачка? Ну же, давай, сделаем класс!

– Молодой человек! – чёрт, какой же у этого «товарища из райкома» скрипучий голос. – Если не получается, так и скажите!

– Всё в ажуре! – показываю ему большой палец.

Если автомат отдаёт приоритет диафрагме, то на таком солнце он закроет объектив полностью. Это не смертельно, но картинка будет максимально плоская, скучная, «прибитая» к фону.

А вот если по выдержке, то диафрагму, наоборот, откроет. И резкость сведётся по кончику острого носа свежееумытой Лены Стеганцевой, стоящей в первом ряду. Остальные будут, мягко говоря, не в фокусе.

А решается всё максимально просто.

– Два шага назад! – командую я, – и ещё шаг налево от вас!

– А чё ты комаандуешь? – с ленивой оттяжкой прорезается Копченый.

– В натуре! – добавляет один из подпевал, имени которого я не знаю.

– Ребята, пожалуйста! – просит учительница.

– БЫСТРО! – няша от решительности сжимает кулачки и переходит на ультразвук. – Делайте, как он сказал!

Класс от испуга делает обозначенное количество шагов и оказывается в тени от школьного здания. Вот и весь фокус. Вырубаю автомат, выбираю нужную пару на встроенном экспонометре. Фон немного размою. Сейчас так умеет любой телефон, а раньше это считалось чем-то из разряда уличной магии.

– Молодой человек, – чувствую, как кто-то трогает меня за локоть.

Оборачиваюсь, няша.

– Альберт, правильно? – она чуть краснеет.

– Для друзей, Алик! – представляюсь я, – вам тоже можно.

– Алик, – легко соглашается она, – Вас же на фото не будет, Вам же обидно, наверное.

Мне похрен. Эти люди мне не родные, и даже не двоюродные. Но сказать этого я не могу.

– Иногда приходится жертвовать собой ради коллектива, – выдаю я, любуясь её фигурой. – разве не этому учат нас комсомол и партия?

Слышу, как сзади фыркает Степанида. Слово гиппопотам выплыл.

Мой взгляд точно не соответствует шестнадцатилетнему пацану, и у неё в голове возникает та самая приятная путаница, которая обычно предшествует резкому сближению на физическом уровне.

– Может, обойдёмся без жертв? – она чуть краснее, – Возможно, я смогу где-нибудь нажать на кнопку, когда вы встанете вместе со всеми?

– Долго ещё?! – ноет Лиза.

Поднимаю глаза и вижу, что она бесится. Неужели ревнует? Ранимое сердце Алика тут же занято от раскаяния и сожаления, а вот циничный я внутри заржал. В эту игру могут играть двое.

– А вы его не сломаете? – шепчу девушке практически на ухо, – Техника сложная... дорогая...

Чёрт, да я же с ней флиртую! И она ведётся, что ещё удивительнее. Непуганный народ. Непривыкший.

– Я уже взяла на себя ответственность, – отвечает няша, – мне в любом случае влетит.

У «Киева-10» нет привычного механического автоспуска, что ещё раз укрепляет меня в мысли, что это камера профессиональная. Для бытового использования не предназначенная.

– Не влетит, – говорю я, – у меня всегда и всё получается хорошо.

Заманчивая идея – перевалить всё на блондинку. Но свои снимки я всегда делаю сам, и сам потом отвечаю за результат.

– Улыбочку! – копирую приезжую звезду. Говорить «чиииз» в эту эпоху было бы странно. – Стоп, снято!

Понравилась мне эта пафосная «киношная» фраза. Гораздо лучше, чем «сейчас вылетит птичка», или «всем спасибо, все свободны».

* * *

– Ну ты даёшь! – восхищается Женька. – Ты хоть знаешь, к кому подкатывал?

– Понятия не имею, – отвечаю.

– Это редакторша районки нашей, – заявляет он, – она к нам из самого Ленинграда приехала. По распределению.

– Такая молодая и редактор? – удивляюсь я.

– Где ж молодая? – не понимает меня Женька. – Ей двадцать четыре уже.

Ну да, для наших семнадцати, это уже предпенсионный возраст. Чем же ты, Марина, так насолила комиссии, что тебя из Северной столицы, отправили в эту забытую богом дыру? Вот тебя, наверное, тут плющит от культурного шока.

Зато становится понятным, откуда в этих краях такая яркая девушка, и почему именно ей поручили заботу о приезде фотографе. Собрат по цеху, для которого командировка в район, это отличный повод нажраться.

Школьная фотосессия заканчивается. Я жду осложнений с Копченым, но сердитая Лида демонстративно уводит его, чтобы меня позлить. Подростковые гормоны во мне бушуют, но умом я предпочитаю страдания душевные мукам физическим.

Даже вдвоём с Женькой мы против этой четвёрки не выстоим. В прежней жизни мне приходилось драться. Пару раз, даже всерьёз спасая свою жизнь. В обоих случаях меня пытались грабить, а затем прикопать у обочины то, что осталось от ограбленной тушки. Оба раза дело было в «горячих точках» и законы там соблюдали не всегда и не все.

После первого случая я стал брать уроки у сопровождавших нас вояк, а в столице нашёл хорошего тренера. Ни к какому конкретному стилю наши занятия не относились. Сборная солянка разных техник. Но когда в моей жизни случился второй случай, я уже самостоятельно сломал грабителю руку и сдал его первому же попавшемуся по дороге патрулю.

Сейчас я наглядно убеждаюсь, что знать и уметь, это разные вещи. Разум знает, что надо делать, а вот тело нужными рефлексам не обладает. Оно у меня сейчас вялое и дохлое. Того же Женьку мне удалось отправить в кусты благодаря неожиданности и везению.

Так что своей физподготовкой я решаю заняться в первую очередь. Бегать от Копчёного бесконечно я не собираюсь, а вредная натура Лиды, наверняка найдёт способ столкнуть нас лбами. Такие девушки обожают, когда за них дерутся.

Постепенно я привыкаю к окружающей меня реальности. Первоначальный шок проходит, и остаются чёткие планы и задачи.

Так со мной происходит всегда. Адаптивность. Приезжаешь в Москву и думаешь, что и часа не проживёшь без стремительного мегаполиса, выставок, встреч, лавандового рафа на кокосовом молоке и спальни с панорамными окнами и шелковыми простынями.

А проснёшься утром в промокшей палатке, выползешь к костру, учуешь носом запах кофе из простой эмалированной кружки и чувствуешь себя самым счастливым человеком на земле. И нет в голове никакой столицы, будто её и не было никогда.

И сейчас вчерашний вечер постепенно меркнет в моей голове, а окружающий мир всё больше наполняется красками.

Я в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году. До Олимпиады-80 ещё два года. А до Перестройки целых семь.

Советский Союз уже догнал, а, возможно, и перегнал Америку, но при этом его граждане млеют от всего иностранного, и не стесняются об этом говорить. Секса нет, но есть рекордное число абортёв. Ещё есть дефицит, КГБ, и самый вкусный пломбир по 15 копеек. Обязательно надо попробовать.

Женька предлагает пойти на речку, но я отказываюсь. Ноги сами несут меня в Заречье. Где-то здесь живёт моя будущая мама.

Сейчас ей лет двенадцать, она была моложе моего отца. В школьные годы они не были знакомы. Встретились уже потом, в областном центре. Быстро поженились, а потом она умерла, произведя на свет меня.

Её родители меня так и не приняли. Хотя они тоже жили в Берёзове, отдыхал я только у бабули, а они упорно делали вид, что меня не замечают. Мать я видел только на фотографиях, и сейчас не могу удержаться, чтобы не глянуть на неё хотя бы издали.

Вообще, вся эта ситуация меня здорово смущает. Чувствую себя героем фильма "Назад в будущее", только в ещё более странной ситуации. Я что, обязательно должен жениться на своей будущей матери? Жесть какая-то, если честно.

Мысли крутятся, а ноги идут. Вся Берёзовка делится на три больших района. Центр, где живём мы, кучкуется вокруг двух центральных улиц: Ленина и Советской. Тут находится райком партии, клуб, почта, школа, милиция и один из вытрезвителей. Жить здесь почётно, но неудобно. Ни село, ни город. Домики свои, участки маленькие. Хотя и тут умудряются сажать картошку на каждом свободном квадратном метре.

Второй район называется «Фабрика» и прилегает к крупнейшему и единственному промышленно предприятию Берёзова, колбасной фабрике имени т. Хренова.

Товарищ Хренов был реальной исторической личностью. Борец за Советскую власть и первый председатель колхоза «Октябрьская весна». Колхоз потом более грамотные товарищи переименовали в «Зарю Коммунизм», но Хренова всё равно увековечили в местной топонимике. Народу нужны свои герои.

«Фабрика» застроена унылыми панельными двухэтажками. Как стандартные микрорайонные «девятины», только маленькие. «Фабричны» отчаянно завидовали остальным берёзовцам, из-за того, что у них нет даже крохотных огородов.

Все остальные завидовали «фабричным», потому что у тех был доступ к колбасе, универсальной валюте советской эпохи. Излишки колбасы магическим образом просачивались с территории предприятия в частные квартиры, а потом перепродавалась за три цены, а чаще шли на «подарки» нужным людям.

Заречье было тихим, пасторальным и совершенно сельским. Это была вотчина колхоза «Заря Коммунизма». Люди жили огородами, живностью и хозяйством. Туда вели два мостика. Основательный автомобильный, который связывал колхоз с фабрикой. И деревянный, пешеходный, который сгнил и обвалился в начале двухтысячных.

Сейчас он был в полном порядке и даже не поскрипывал под ногами. Я иду, забивая себе голову мыслями о местной географии, которая мало поменялась с середины девяностых, которые я уже неплохо помню. Предстоящая встреча пугает меня до икоты.

Еще один поворот, и я утыкаюсь в заросший пустырь с обгоревшими развалинами. Не может быть?! Я не мог ошибиться! На этом месте стоял крепкий двухэтажный дом с деревянной верандой и шиферной крышей.

– Чего вылупился?! – недружелюбно окликают меня.

Из-за низкого забора на меня глядит бабка. Заборчик из деревянных штакетин построен не для того, чтобы удержать вора, а, чтобы не выпустить наружу кур или уток. Бабка положила на него локти и внимательно меня разглядывает. Не смотря на жару, на ней тёмный шерстяной платок и чёрная меховая жилетка. В руке хворостина.

– А Синицыны здесь живут? – рожая идиотскую фразу.

– А похоже? – отвечает она.

Я теперь понимаю выражение «смотреть как на врага народа». Если бы у бабки был под рукой телефон, по мою душу уже мчался бы "воронок", а brave НКВДшники крутили бы меня на предмет сотрудничества с японской разведкой.

– Померли Синицыны, – сообщает мне весёлый голос.

Из-за следующего забора выглядывает полная противоположность первой бабки. Ласковые морщинки вокруг глаз, беленький платочек.

Бабка – инь, и бабка – ян.

– Как померли?!

– Погорели, – охотно сообщает она. – Уже лет пятнадцать как.

– Туда им и дорога, куркулям, – плюёт на землю первая.

– А Инна Синицына тоже погорела?!

– Не было тут никакой Инны, – вторая бабка продолжает рассказывать, – Васька Синицын был, да жена его Катерина и сын Мишка. Самогонку они гнали. Вот, видать у них чегой-то в аппарате ихнем и рвануло. Как свечка вспыхнуло. Все и погорели. А Инны не было тут. Может, ты, малой, каких других Синицыных ищешь?

– Точно, других! – изображаю улыбку. – мне Инна Синицына нужна. Подсказали, что здесь Синицыны жили, вот я и пришёл узнать.

Уходя, я чувствую, как спину буравят два взгляда. Суровый и подозрительный, и весёлый и любопытный.

Мишка Синицын, это мой дед. Если он сгорел в пожаре пятнадцать лет назад, значит моя мама вообще не рождалась на свет. Такой вот вывих истории.

В глубине души мне, конечно, жаль этих практически незнакомых людей. Но в то же время я чувствую огромное облегчение. Моё будущее не предопределено. Мне не нужно бояться последствий. Не надо ничего подгадывать и ни подо что подстраиваться.

У меня полностью развязаны руки.

Глава 4

Вечером я устраиваю большой шмон в своей комнате. Теперь я уже полностью считаю её своей. Развалины дома моей несостоявшейся мамы становятся отправной точкой новой жизни. Можно, конечно, сесть и порефлексировать на тему «за что мне всё это?!». Только дело это бессмысленное и бестолковое.

Хотя нет. Меня теперь до конца жизни будут звать Альберт. За что мне всё это?!

Альбертом хорошо представляться где-нибудь в богемной тусовке, или в научной среде, а не во дворе или на танцплощадке. Вы знаете хоть одного боксёра по имени Альберт? Вот и я не знаю.

Вон тёзка с портрета на стене таращится. Язык показывает. Дразнится.

Алику прочили большое будущее в науке. Золотой медалист. Умница. В моём прошлом он политех закончил с отличием. Инженером стал, изобретения внедрял разные. Только в девятые всё это накрылось медным тазом. Завод закрыли. Авторскими свидетельствами он у нас в квартире туалет оклеил. Такая вот ирония.

Вот только знания его мне не перешли. Как был я гуманитарием, так им и остался. А в наследство получил хилое тело. Уж лучше б, наоборот, он качком был, а я б туда свою чуткую художественную натуру добавил.

А тут минус на минус даёт не плюс, а полную жопу. Хотя девчонкам я нравлюсь, факт. Значит харизма у меня наследственная. Хотя бы это утешает.

Вернёмся к комнате. Кроме Энштейна на стене висит портрет старины Хэма в неизменном свитере. Никаких тебе постеров с рок-группами или полуобнажёнными барышнями. Ну так их и не печатают пока никто.

Под кроватью гиря в двадцать четыре килограмма. Вес отлит на гордо выпяченном чугуном боку вместе с ценой – 5 рубля 18 копеек.

Это какой же крепости и основательность должно быть государство, чтобы цену писать не на бумажном ярлычке, который любой прощелыга-продажник может распечатать и заменить, а отливать в чугунине. Как оно должно быть уверено в своей непоколебимости и незыблемости!

Не первомайские демонстрации и не портреты классиков марксизма-ленинизма показались мне символами эпохи, а эта вот чугунная гиря с фиксированной ценой.

Мы все здесь – пассажиры Титаника, который через семь лет наткнётся на айсберг по имени «Горби». И когда народ начнёт драться за шлюпки, на палубе ещё будет играть оркестр.

Пробую выжать гирию, но даже поднять её получается с помощью второй руки. Алик польстил себе, выбрав такой снаряд для занятий.

На самодельных полках книги. Коллекция для того времени очень приличная. Неизменная «Одиссея капитана Блада», Конан Дойл, Жюль Верн, Ефремовская «Таис Афинская», – единственная доступная советским подросткам эротика.

Ниже кассетник «Весна», выбивающийся из общей аскетической картины. Тычу наугад кнопку «Пуск».

«Средь оплывших свечей и вечерних молитв...»... хрипит из динамика Высоцкий.

Баллада о борьбе. Вот какими вы были, книжные дети позднего застоя. Жизнь казалась простой и скучной. Хотелось романтики и побед. Зато потом вы хлебнёте этих битв полной ложкой, аж из ушей потечёт.

А ведь он ещё жив! Мысль как обухом по голове. Владимир Высоцкий лазает где-то по подвалам в кожаном плаще и шляпе, играя Глеба Жеглова в фильме «Место встречи изменить нельзя». Может быть, я даже смогу на его концерт попасть, если напрягусь.

И Леннон жив. Медитирует где-нибудь на Тибете или трахается с Йоко-Оно, или чем он там занимался, когда подзабил на Битлз?

Одно я знаю точно. Спасать я никого не буду. Ни Высоцкого, ни Леннона ни Советский Союз. Я всегда придерживаюсь принципа «начни с себя». Так что я буду спасать Алика Ветрова и его маму.

От чего? В первую очередь, от бедности. Маленькая семья Ветровых не жила, а выживала. Мария Эдуардовна Ветрова была человеком творческим и абсолютно не приспособленным к сельской жизни.

Её небольшой участок полностью зарос цветами. Тюльпаны, нарциссы, синие и жёлтые ирисы, буйные разноцветные люпины, которые деревенские за пёстрые высокие соцветия звали «петухами», разлапистые кусты пионов росли без всякого порядка, и каждый год между ними заново приходилось протаптывать дорожки, чтобы добраться до стратегического места – уличного сортира.

Зарплату в ДК платили крохотную. На руки выходило 73 рубля, не считая копеек. «Мам, а сколько ты получаешь?.. Чего это ты заинтересовался, Алик?.. Да вот думаю, может в артисты пойти?.. Даже не вздумай, горе луковое... Политех закончишь, человеком станешь...».

Разговор за ужином вышел насыщенным. Аккуратно, как Штирлиц в тылу врага, я вытягивал из нынешней родительницы имена-отчества учителей, соседей и прочих полезных личностей. «Нам тут литераторша сказала... ну как её... Ульяна Дмитриевна?.. вот-вот, точно...».

Та, конечно, удивилась моей забывчивости, но списала всё на подростковые гормоны и на «Лидку-дрянь», которая забила мне всю голову.

Реабилитировал меня в её глазах зверский аппетит. Я уминал жареную на сале картошку с луком, так словно давно не ел ничего вкуснее.

Умереть с голоду в советском селе было нереально. Мама вела кружки по пению и хореографии. Родители учеников регулярно одаривали «некультипистую», по их мнению, преподавательницу, то свежим молоком, то картохой, а то и куском свежего мяса.

А вот с вещами дело было худо. Про материно платье и говорить не хотелось. «Бедно, но честно». У меня самого в шкафу обнаружили пара брюк, одни шорты до колен, две простецкие рубашки без всяких рисунков и модных воротников, пара маек-алкоголичек, ботинки в которых я проходил весь день и стоптанные кеды. Зимние вещи тоже где-то были, но их я искать не стал. И так было всё понятно.

Мне даже стало стыдно за наличие магнитофона. Наверняка на него пошли сбережения ни за один год. Может, подарок на совершеннолетие?

Материальное благосостояние семьи надо было срочно поднимать. Алик, по своей подростковой наивности об этом не задумывался. Он искал ориентиры для подвигов в своих книжках. А, может быть, верил в проторённый путь: школа, институт, работа. Но я рос в другое время и знаю, что всегда можно сократить путь и срезать углы.

Вот только что я могу? Найти клад? Отродясь не слышал, чтобы в Берёзове раскапывали что-то достойное. Мне кажется, богатые люди уже много веков обходили Берёзов стороной, ибо нехрен тут было делать. Грабить некого, тратить не на что. Клады отпадают.

Замутить схему частного предпринимательства? Насколько я помню, в советское время за это могли и к стенке поставить, если в «особо крупных размерах». А если по мелочи, то закроют годика на два. Не хотело советское государство, чтобы его граждане богатели.

Единственный мой талант – это фотография. Тут я действительно силён, без ложной скромности. Но как убедить в этом окружающих? Фотограф, это прежде всего имя. «Личный бренд», как сказали бы в двухтысячные. А мне семнадцать и в моих успехах не уверены даже одноклассники.

Поэтому я и вылез вперёд во время фотографирования в школе. Не та у меня профессия, чтобы в тени отсиживаться. «Скромность, это дорога в неизвестность», как говорила одна моя коллега из будущего. Там мелькнул, здесь засветился... уже заметили, запомнили, в следую-

ший раз пригласят. Путь наверх состоит из крохотных ступенек. Я не гордый, я трудолюбивый. Я не поленюсь наступить на каждую.

Мечтая о том, как я фотографирую Марину Влади и Барбару Брыльскую в Кремлёвском Дворце Съездов, я устроил своё тело между выбоинами продавленного панцирного матраса и провалился в здоровый юношеский сон.

* * *

TTPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPPP!!!!

Вот сволочь окайнная! Кто ж тебя поставил на такую рань?! Я и поставил? Я что пьяный был вечером?

С такими мыслями я шарю ладонью в поисках тумбочки со смартфоном и не нахожу ни того, ни другого. Не открывая глаз, опускаю босые ноги на пол, и вместо привычного ласкового паласа чувствую пятками холодные доски. Твою мать! Обычный механический будильник надывается с ... шкафа. «Я-вечерний» был безжалостен к «я-утреннему», и чтобы снять эту отвратительно дребезжащую штуковину, мне надо пододвинуть табуретку и залезть на неё.

Проделав это, я окончательно просыпаюсь. На часах шесть тридцать. Натягиваю на себя сомнительного вида шорты, майку, знаменитые кеды «два мяча» и выхожу на пробежку. Утренняя прохлада бодрит, лучи невысокого солнышка оставляют красивые розоватые тени. При таком освещении очень красиво смотрятся обнажённые модели. Не обнажённые тоже, неплохо, но с первыми работать интереснее.

Так, не будем отвлекаться, а то организм чересчур бурно реагирует на такие мысли. Сейчас у нас по плану спорт. Выхожу за калитку, делаю несколько энергичных взмахов руками, чтобы вдохнуть полной грудью, и не спеша стартую.

Укреплять организм Алика я начал с бега. Во-первых, для этого не требуется никакого инвентаря, кроме ног и дороги. Можно бегать хоть босиком. Особенно в юности, пока проблем с опорно-двигательной системой ещё не накопилось.

Бег прокачивает не только ноги, но и всё тело, включая руки и плечи. Он улучшает выносливость и способность долго совершать ритмичные движения, что особенно ценят в парнях девушки.

И, наконец, от бега вштыривает не хуже, чем от наркоты, только легально и безвредно.

Вот только какой дурак решил, что кеды – спортивная обувь? Резиновая подошва не гнётся. Ноги не дышат. Одна радость, что на камень не наступлю голой пяткой.

Интересно, легендарные «адидас» в Стране Советов уже начали клепать? Знаю, что в Афгане в них даже десантура переобувалась, потому что в кирзачах по горам лазить невозможно, а берцы ещё не появились. Даже если есть, так просто их не достать. А у фарцовщиков стоят, небось, не меньше нашего с мамой дома вместе с огородом. Так что, закатай губу Алик и воспитывай характер.

В уши не долбит бодрящая музыка. Ласковый голос виртуального тренера не нашёпты-
вает пройденное расстояние и среднюю скорость. Зато воздух вокруг чистейший. Нет в нём ни
смога промышленных гигантов, ни выхлопных газов от личного и общественного автотранс-
порта. Проехал мимо ГАЗон, гружёный молочными бидонами, и снова тишина. Только кузне-
чики стрекочут, петухи орут, да соседи, завидев меня, переговариваются.

— Куда это Алик припустил?

– На электричку, видать, опаздывает!

– А в трусах чего?!

– Вот ты дура! Понятно же, что проспал и одеться забыл!

– Сам ты, старый пень! Кто ж его в трусах в электричку-то пустит?!

– Эй, Алик! Станция-то в другой стороне!

Я наивно решил, что в половине седьмого утра Берёзов будет мирно спать, и я пробежусь по улицам посёлка в гордом одиночестве. На самом деле, для селян это был пик активности.

Одни в характерной позе «раком в борозде», пропалывали огороды, чтобы успеть до полуденного зноя. Занятие это было исключительно женским, и некоторые приподнятые попы были очень даже ничего. Другие выгоняли из калиток коров, чтобы присоединить их к общему стаду. Третьи развешивали на верёвках бельё, которое уже когда-то успели постирать. Жизнь бурлила, и я вбежал напрямик в её водоворот.

Обсуждения и выкрики я гордо игнорирую, но через несколько кварталов мне приходится остановиться.

– Альберт, ты куда это в таком виде?

– Пробежка у меня, Ульяна Дмитриевна, – топчусь на месте, чтобы не сбить темп. – Не читали в журнале «Здоровье»? «Бег трусцой – будущее массового спорта» статья называется. В здоровом теле – здоровый дух!

– На самом деле, одно из двух, – хмуро парирует моя классная руководительница, и по совместительству учительница русского и литературы. – Лучше бы ты с таким энтузиазмом к экзаменам готовился.

– А они когда? – искренне удивляюсь я.

Честное слово, я думал вся эта мутотень со «школьными годами чудесными» уже позади.

– Ну вот, глупеешь на глазах, – заявляет она, – послезавтра первый экзамен. Сочинение.

Новость убивает меня наповал. Да я последний раз ручку в руках держал, когда в паспорте расписывался! Запятые расставить могу, только когда Ворд зелёным подчёркивает. Вот тебе и подарки судьбы.

– А бегать на стадионе надо, – добивает меня она, – в специально отведённое для этого время.

– Не люблю по кругу бегать, – отвечаю, – я же не лошадь на карусели.

Классуха недовольно поджимает губы. Может я, конечно, зря ей так. Но ещё с собственной школы терпеть не могу таких людей, которые лезут в каждую бочку затычкой. Вчера перед целым классом лепетала «ребята-ребята...», а отдельно взятого отличника строить пытается.

– Хорошего дня! – широкой улыбкой пытаюсь сгладить ситуацию, но училка только сухо кивает в ответ.

Сама мысль об экзаменах повергает меня в уныние. Выпускники школы даже в те консервативные времена старались не задерживаться возле родных гнёзд. Москва уже активно выкачивала со всей страны пассионариев, а областные, краевые и республиканские центры также пополняли их недостачу из деревень и сёл.

Белоколодецк был для всех областных искателей лучшей жизни Эльдорадо, Меккой и землёй обетованной в одном лице. Чтобы зацепиться там, провинциалы каждое лето штурмовали приёмные комиссии ВУЗов, СУЗов, и профессиональных училищ.

Из вечернего разговора с моей нынешней родительницей я уже уяснил, что оставались в райцентре совсем уже законченные неудачники, не приготившиеся где-нибудь ещё.

Имелись в Берёзове и собственные «учаги». Две. Ветеринарная специализировалась по операторам-осеменителям крупного рогатого скота, железнодорожная по обходчикам-путейцам. Вот и задумываешься, какая карьера перспективнее: с кувалдой наперевес обходить километры путей или вступать с коровами в интимные взаимоотношения на регулярной основе.

Отец, светлая голова, поступил в политехнический институт. Но я в своих математических способностях был совсем не уверен. В последние годы, благодаря всеобщему распространению пластиковых карт, я даже мелочь в кошельке не считал. А чтобы написать выпускной экзамен, да ещё и на круглую и твёрдую пятёрку...

От дурных мыслей меня отвлекает перегородившее путь стадо. Бурёнки заполняют улицу Карла Маркса как живая полноводная река. Они косят на меня умными послушными глазами, но пропускать не собираются.

А после их ухода пробежка превращается в кросс с препятствиями. Я маневрирую между коровьих лепёшек, и мысли об экзамене начисто вылетают из головы. Насколько гибкая, всё же, подростковая психика.

Зато на следующем повороте меня ждёт приятная встреча. Перед аккуратным домиком, прямо на коротко стриженном газоне под бодрый голос и музыкальное сопровождение из радиоприёмника выполняет комплекс утренней гимнастики вчерашняя няша. На ней короткие спортивные шортики и футболка в обтяжку. Кудряшки задорно подпрыгивают, и не только они. Просто загляденье.

– Физкульт-привет! – кричу ей не останавливаясь.

Она сбивается с ритма, краснеет. Потом узнаёт меня и машет рукой. Ну просто няшастесняша. Интересно, как она редакцией руководит с таким темпераментом? В моё время в районках те ещё зубры работали. Дремучие. Заповедные. Чтобы усмирить их, требуются тореадоры, а не впечатлительные красавицы.

Поворачиваю на центральную улицу Ленина. Под ногами теперь жёсткий асфальт, бежать легче и привычнее. Солнце поднимается всё выше, и я ныряю в тень длинной аллеи пирамидальных тополей. Она начинается у райкома и заканчивается возле клуба. По моим прикидкам я пробежал не меньше километра. Лёгкие с непривычки ноют, требуя передышки, но я жду второго дыхания.

Наконец, оно открывается. По телу волной проходит приятный холодок. Лёгкие расправляются, а тело становится невесомым, словно само летит над землёй. Я наслаждаюсь этим офигительным чувством, как вдруг сзади раздаётся топот.

Чувствуя приход беговой эйфории, я из озорства прибавляю ходу. Шаги начинают отставать, и вдруг к ним добавляется пронзительная трель свистка.

– Стоять! Милиция!

Глава 5

В изумлении разворачиваюсь. За мной резво несётся парень ненамного старше меня, но выше на две головы. Фуражка сбилась на затылок, из под неё выются соломенного цвета кудри. Одет по всей форме, включая галстук на тонкой стальной заколочке. На погонах по две маленькие лейтенантские звёздочки. На поясе нет ни дубинки, ни наручников. Даже какой-нибудь захудалой «черёмухи», и то не предусмотрено. Этаким вариант «лайт» для законопослушных граждан. Хотя при его габаритах, наверное, и так справляется.

– Карманы выворачивай! – требует он. – Показывай, что украл?!

Растягиваю свои шорты в стороны, словно собираюсь сделать книксен.

– Нет у меня карманов, – объясняю. – И не крал я ничего.

Смотрю я на него, и не страшно мне ни разу. Он весь аккуратный, выглаженный, словно сошедший с плаката «Милиционер на страже социалистической законности». После столичных ОМОНовцев в шлемах-скафандрах, с демократизаторами в руках он, не смотря на строгое лицо, напоминает мне дядю Стёпу из детской книжки.

– А почему убежал?! – продолжает давить он.

– Бегом занимаюсь, – терпеливо объясняю, – к сдаче ГТО готовлюсь.

Охотничьи рефлексy милиционера переходят в замешательство. Жертва не паникует, не пытается убежать. Поэтому и тональность меняется.

– Ваши документы, гражданин.

Снова, уже молча демонстрирую отсутствие карманов. Служитель закона хлопает глазами. Вроде, как и отпустить меня теперь неправильно, зря, что ли, он меня ловил. И оснований для задержания нет.

– Пройдёте в отделение, – решается он.

Пожимаю плечами. Вот и побегал. Километра полтора от силы. С другой стороны, познакомлюсь с местной системой правопорядка. То, что она бдит, я уже заметил. Пока идём, разглядываю лейтенанта. Про таких говорят «морда рязанская». Широкое добродушное лицо, нос пуговкой, пухлые губы. Глаза сурово прищурены.

Идти нам недалеко. Небольшое двухэтажное здание цвета охры ютится рядом с райкомом. Рядом припаркованы Жигули третьей модели, выкрашенные в жёлтый цвет с синей полосой, с мигалкой на крыше и мотоцикл с коляской. На входе табличка «Отдел милиции Берёзовского райисполкома».

Внутри нет ни дежурного с автоматом, ни тамбуров с решётками. Обычная контора, вроде ЖЭКа, только на стене висит стенд «Их разыскивает...» с угрюмыми физиономиями уголовников. Руки бы отбить тому, кто их снимал. На этих портретах их мать родная не узнает.

Не чувствую за собой никакой вины, поэтому с любопытством оглядываюсь. Словно в кино старое попал. «Следствие ведут знатоки». Если кто-то, кое-где у нас порой...

Заходим в комнату со скучными бурыми обоями. Утыкаюсь взглядом в портреты Брежнева со звёздами во всю грудь, и ещё какого-то незнакомого генерала в парадном мундире, но с простецким крестьянским лицом. В комнате четыре письменных стола, заваленных бумагами, переполненные картонными папками шкафы и выкрашенный белой краской двухъярусный сейф. Пистолеты там хранят, наверное, мелькает мысль.

За одним из столов сидит мужик с усталым и умным лицом в погонах капитана. Он воюет с пишущей машинкой. Нам только кивает и снова утыкается в непокорный агрегат.

– Посиди здесь, – снова переходит на «ты» мой конвоир.

Он придвигает мне стул, а сам исчезает в коридоре.

– Из дома сбежал? – спрашивает капитан.

– Зачем? – удивляюсь я.

– На БАМ, например, – предполагает он, – на комсомольские стройки.

Капитану скучно, и он ищет повод отвлечься от ненавистного отчёта. Или что он там печатает.

– В таком виде? – показываю на себя.

– Да, действительно, – соглашается он, – тогда почему ты здесь?

– Это вы у своего коллеги спросите, – пожимаю плечами.

Темы исчерпаны. Капитан с грустью опускает голову.

– В состо... где же ты, блин...я...нии... а...л...

– Хотите, помогу?

– А ты умеешь? – расцветает он.

– Слепым десятипальцевым.

– Садись! – он решительно встаёт.

– В состоянии алкогольного опьянения... использовав... приспособление... нет, погоди... орудие...

– Инвентарь...

– Точно, инвентарь в виде лестницы-стремянки... – капитан вдохновенно ходит по кабинету и диктует – открыто похитил с чердака у гражданки Волобуевой... два десятка яиц и копчёный окорок...

– С особым цинизмом, – подсказываю я.

– Нет, про цинизм не надо, – задумывается он, – хотя звучит хорошо. После чего скрылся с места преступления путём перелезания через забор...

Вошедший младлей застаёт нас почти приятелями.

– Степанов, ты за что парня задержал?

– За нарушение общественного порядка и мелкое хулиганство, – мстительно заявляет лейтенант. – Он за гражданкой Подосинкиной через забор подглядывал и оскорбления ей выкрикивал. А когда меня увидел, сбежать решил. Только от меня не уйдёшь! Я сначала подумал – украл чего. А потом сообразил – подглядывал!

– Ты за Подосинкиной подглядывал?! – капитан глядит на меня, словно я его предал. Мол "и ты, Брут!".

– Ни за кем я не подглядывал! – возмущаюсь, – Я бегом занимаюсь, к ГТО готовлюсь. А она зарядку делала, я ей "физкульт-привет" пожелал. У меня половина улицы свидетелей. Меня до этого Ульяна Дмитриевна видела, учительница моя. Как я мог бегать и подглядывать одновременно?

– А Подосинкина что говорит?

– Так я её не спрашивал, – утыкается глазами в пол лейтенант Степанов. – увидел, как этот убегает... и за ним следом!

– Рефлексы у тебя, Степанов, как у борзой собаки, – говорит капитан, – тебя на стадион пускать нельзя. Вдруг вдогонку за кем-нибудь кинешься.

Младлей густо краснеет от такого разноса, да ещё и в присутствии постороннего.

– И вообще, что ты в той стороне делал? Там не твой участок.

– Прогуляться решил перед работой. – он зло зыркает в мою сторону, словно это именно я выставил его в неприглядном свете перед начальством. – Воздухом подышать.

Так вот кто у нас, оказывается, поклонник питерской редакторши. Причём, похоже, тайный. А я встал на пути у высоких чувств. Проницательный капитан приходит к тем же выводам.

– У тебя, Степанов, теперь два варианта, – предлагает он, – либо ты идёшь к гражданке Подосинкиной и берёшь от неё заявление, как от потерпевшей, либо извиняешься перед гражданином Ветровым и отпускаешь его на все четыре стороны.

Опачки, а он меня, оказывается, знает. Хотя, чему удивляться. Тут все и всех знают. Это только у меня с этим сложности.

Лейтенант сжимает челюсти и берёт под козырёк:

– Приношу свои извинения, ошибочка вышла. Можете быть свободны, гражданин Ветров.

– Никаких проблем, всё понимаю... служба... – примирительно говорю я, но лицо лейтенанта не смягчается. Он молча разворачивается на каблуках и уходит.

Кажется, я приобрёл недоброжелателя. Хорошо, если не ревнивого соперника. Был бы ещё повод для ревности.

Подосинкина, фамилия-то какая чудесная. Очень ей подходит.

– Его зовут, случайно, не Степан?

Капитан удивлённо вскидывает глаза, а потом заливается хохотом.

– «Постовой Степан Степанов был грозой для хулиганов...» – цитирует он, – Нет, его зовут Николай.

– Жаль.

– Действительно, – улыбается капитан, чьего имени я до сих пор не знаю. – Но он парень хороший. Горячий только по-молодости. Кстати, а почему ты не на стадионе бегал? – он резко меняет тему. – Почему по улице?

Сочинять очередную небылицу перед капитаном не хочется. Люди умные сразу видят, когда из них пытаются сделать дураков, и очень на это обижаются. Не хватало ещё, чтобы Берёзовская милиция на меня в полном составе ополчилась.

– Вот, смотрите, – говорю я, – когда спорт загоняют на стадионы, он становится уделом избранных. Каждый может сказать: "пусть там спортсмены занимаются ногодрыжеством и рукомашеством, а я человек простой. Я после работы водочки выпью, на диване полежу. Я не спортсмен". А когда мимо тебя бежит твой сосед или, например, соседка. Когда у неё подтянутая фигура, здоровый цвет лица, ягодицы... эмм... в общем, тебе становится стыдно за пивной живот и одышку.

– Личным примером, значит, – задумался капитан. – Сам додумался?

– В журналах прочитал, – я не стал уточнять в каких, а то ведь искать полезет. Мужик дотошный.

– И решил мимо дома Подосинкиной пробежаться, когда она разминку делает? – он хитро прищурился. – Пример ей подать?

Да эта Подосинкина у них местная достопримечательность!

– Просто по дороге оказалось, – честно отвечаю.

– Ну-ну, – он качает головой, – чаю хочешь? С пряниками?

Пряников я не хочу, но поскольку тренировку на сегодня можно считать загубленной, я хотя бы заполню «углеводное окно». Тем более что пряники, действительно, вкусные. Я раньше такие только в Туле пробовал, и то в ограниченной выставочной серии. А тут в обычном кульке бумажном.

– Значит, говоришь, в столице народ гоняет в трусах по улицам, и это всемерно поощряется? – капитан дует на свой стакан в литом подстаканнике.

У него на подстаканнике горит звездой Спасская башня, на моём – красивым узором переплетаются виноградные листья и гроздь.

– Главное достоинство массового спорта в том, что он посильный – говорю нарочно «правильными» фразами, словно цитирую чужую статью, – Вот поглядите, какой из меня чемпион? – демонстрирую свои откровенно хилые руки, – Любой профессиональный спортсмен "сделает" меня, и буду я себя считать полным ничтожеством.

– Что значит «профессиональны»? – хмурится мой собеседник, – это на Западе спортсмены в угоду толпе кривляются, а у нас спорт исключительно любительский.

Слышал я про этот любительский спорт. Числится такой спортсмен в цеху или на стройке, а сам только в бухгалтерию за зарплатой туда заглядывает. "Спорт высоких достиже-

ний", требует от человека полной отдачи. Музыканты профессиональные есть, а спортсменов нет! А мне надо за языком следить получше. Накосячу, потом не разгребёшь.

– Я имею в виду, которые в соревнованиях участвуют и с тренерами занимаются, – поправляюсь я, – а здесь можно бегать ради здоровья и воспитания характера. Никто ни с кем не соревнуется, и все выигрывают.

– Красота, среди бегущих первых нет и отстающих. Бег на месте общепримирающий! – капитан цитирует Высоцкого.

В коридоре слышатся быстрые шаги и в комнату врывается моя мама.

– Ты, Сергей Игнатич, по какому праву моего сына арестовал?! – выдаёт она с порога.

Капитан замирает с пряником в руке.

– Всё в порядке, мам! – вскакиваю я, – товарищ капитан меня на пробежке увидел и заинтересовался. Мы решили в Берёзове беговой клуб организовать. Для пропаганды здорового образа жизни и профилактики правонарушений.

А что, раз такое дело, надо брать быка за рога. Это и связи, и известность, и пресса такое дело наверняка поддержит. И дело даже не в том, что у этой прессы попа красивая.

– Точно не арестовал? – мама сжимает кулачки, готовая биться за меня хоть с кем.

– Нет, конечно, – капитан показывает чайник, – стал бы я с задержанным чаи распивать.

– А репетицию почему пропустила? – продолжает моя родительница, не меняя тона.

– Мария Эдуардовна, душа моя, – вид у милиционера сразу становится виноватым. – Служба! Печёнкин на больничном... почки у него шалят... У Могилевского сын две недели назад родился... день работает, второй отпрашивается... Так что все дежурства на мне...

– Смотри, Сергей Игнатич, – величаво грозит мама, – у тебя главная роль. Будешь ещё репетиции пропускать – поставлю в массовку!

– Я пойду, – дипломатично встречаю, – а то вам работать надо...

– Да, конечно! – расцветает он от перспективы сплавить мою разбушевавшуюся родительницу и соскочить с опасной темы. – А про клуб мы ещё поговорим! – кричит он нам вслед.

* * *

– Что за репетиция? – спрашиваю.

Мы идём домой. Марию Эдуардовну, я на удивление легко даже про себя называю мамой. Наверное, чувства и эмоции остались в этом теле. Да и мне она – человек не чужой. Вот одно к другому и сложилось. Мама шагает решительно. Она готовилась к скандалу и потасовке, и теперь ей некуда спустить пар.

– Театр у нас в доме культуры, – поясняет она, – любительский. Гамлета ставим.

– Так кого товарищ капитан играет? – любопытствую, – Розенкранца или Гильденстерна? Режиссёр больших и малых театров заливается хохотом.

– Будет у меня «бедного Йорика» играть, если репетиции пропускать повадится, – грозит она пальцем Березовскому отделению милиции.

Похоже, гроза прошла стороной.

– А давно ли ты классикой увлёкся? – мама переводит взгляд на меня.

– Так сочинение на носу.

– Смотри, а то Ульяна Дмитриевна уже пожаловалась мне, что ты по улицам гоняешь, вместо того, чтобы к экзаменам готовиться.

Вот вредная тётка, уже наябедничала! Сталинская закалка. Так меня мама, видимо, и нашла. С Ульяной поговорила, потом у других соседей спросила. Так следы в ментовку и привели.

Шутки шутками, а следующие два дня проходят для меня как в тумане. Я читаю, выписываю, конспектирую, снова читаю. Временами всплывает мысль: почему эту череду алкого-

ликов, женоненавистников, и самоубийц считают Большой Литературой, и какой пример они могут подать подрастающему поколению?

Но я такие мысли от себя старательно гоню. Я на экзамен собираюсь, а не на философский диспут. Прелесть школьного образования в том, что не важно, что написал в книжке автор. Важно, что об этом говорит критик. Катерина – луч света в тёмном царстве. И Чацкий – луч света. Анна Каренина, наверное, тоже была бы лучом света, если б не померла.

Открываю для себя маленькую и уютную Берёзовскую библиотеку, пропахшую ветхими книжными страницами и ванильными пирожными, до которых бабуля-библиотекарь оказывается большой охотницей. Нагружаюсь увесистыми томиками и спешу домой. Слить «золотую медаль», на которую шёл Алик, мне обидно.

Исключение делаю для пробежки. На этот раз всё проходит без приключений. Училка кивает издали, не вступая в разговоры, редакторша Подосинкина машет рукой и улыбается, постовой Степанов окатывает строгим взглядом, но молчит.

Я пробегаю десять минут, согласно своим наручным часам «Слава», а потом поворачиваю обратно. По моим прикидкам, это около двух километров. Мышцы болят, но терпимо. Ожидаемо руки и грудь сильнее ног. Дыхания хватает, я ни разу не останавливаюсь и остаюсь доволен собой.

Три раза ко мне заходил Женька. Пытается выманить на речку или гонять в футбол. Я не ведусь даже на то, чтобы пойти на станцию, смотреть на поезд «Адлер-Гомель», который проходит раз в неделю и стоит всего десять минут. Изюминкой этого мероприятия были легкомысленно одетые курортницы, которые разминали свои загорелые ноги на перроне и пузатые курортники, которым можно было толкнуть пачку сигарет «Ява» или «Опал» за три цены.

Уже глубоко под вечер второго дня, когда наглое рыжее солнце закатывается за горизонт, я слышу под своим окном шорох. Надо сказать, что темнеет в Берёзове сразу и наглухо. При лучинах, конечно, не сидят. Лампочки Ильича имеются в каждом доме. Но без дела вечерами не засиживаются. Телевизоров у людей нет, потому как никакая антенна до этих мест не добивает. Вставать рано, что свет без толку жечь? Щёлк, и на боковую.

Про уличное освещение и говорить не стоит. Свет заканчивается там же, где и асфальт.

Молодёжь, понятное дело, гуляет. Время от времени я слышу за забором обрывки фраз, смешки, а в Заречье кто-то задумчиво и нудно с полчаса играет на гармонии. Почему-то в голове всплывает тот самый загадочный Макс, с которым временами проводит легкомысленная Лидка. Но молодёжи свет не нужен. Её лучший друг – темнота.

Звук повторяется и становится громче.

Сначала я думаю, что какая-нибудь полоумная курица заблудилась и шастает в зарослях пионов. Потом, что соседская кошка перепутала дома и пытается залезть в окно.

О подоконник кто-то тихо, но решительно скребётся. На цыпочках подхожу к окну и резко распахиваю створку.

Бамм!

– Дурак ты, Алик! – громким шёпотом сообщает моя одноклассница Лида. – И не лечись.

У неё на лбу разрастается сочная багровая шишка. Но ругаться со мной по этому поводу она вроде не собирается.

– Тебе пятак медный дать? – не чувствую за собой никакой вины.

Нехрен подкрадываться.

– Точно, дурак, – вздыхает она, – и как я за тебя, такого, замуж собралась?

Глава 6

– С какой радости «замуж»?! – охреневаю я.

– Ну как же, – Лида хлопает глазами, – мы ведь уже решили всё.

Взаимоотношения Алика с этой вертихвосткой до сих пор остаются для меня загадкой. Что эта оторва нашла в скромном отличнике, и почему он терпит её выходки? И эту загадку нельзя оставлять на самотёк, иначе она мне аукнется, если уже не аукнулась.

Беременная она, что ли? Советский анекдот про «запорожец» и беременную восьмиклассницу не на ровном месте возник. Для тех, кто не знает, и то и другое – позор семьи.

Тем более, что о сексуальном воспитании в это время никто не заботится, а наглядных примеров вокруг пруд пруди. Это не город с многоэтажками и отдельными банями. Тут живность на каждом углу, и вся поголовно плодится и размножается.

Очевидный вопрос вертится у меня на языке, но я его удерживаю. Гадать в таких случаях последнее дело. Пускай сама всё выкладывает. А мне уже давно пора проветриться. Утрясти полученные знания.

– Погоди-ка минуточку.

Я натягиваю универсальные кеды и перемахиваю через подоконник. Лида только этого и ждёт. Она по-хозяйски подхватывает меня под руку и уводит в темноту улицы.

– Я думал, ты шутишь, – аккуратно забрасываю удочку.

– Насчёт чего?

– Насчёт свадьбы.

– Почему?! – она снова демонстрирует мне невинный взгляд, как у оленёнка Бемби.

Интересно, в Советском Союзе показывали этот мультфильм, или у неё эта способность от природы?

– Ну ты же с Копчёным мутишь... – как можно более равнодушно говорю я.

– Чего я делаю?!

Блин, с этими современными словечками недолго и проколоться. Как там говорили во времена, когда деревья были большими?

– Ходишь, в смысле.

– Ничего я не хожу, – возмущается Лида и для усиления эффекта прижимается ко мне бедром.

Бедро у неё упругое и горячее. Организм Алика реагирует бурно. Вдоль позвоночника пробегает табун мурашек, а в штанах становится тесно. Приличных мыслей при этом в голове ни одной. Только неприличные. Подростковый гормональный взрыв в полный рост.

Надо срочно искать себе партнёршу по возрасту. Даже срочнее, чем мышцы качать или миллионы зарабатывать. Иначе подобные профурсетки так и будут мозги крутить, пользуясь физиологической беспомощностью.

Вот только по какому возрасту? Даже для какой-нибудь студентки-второкурсницы я сейчас всего лишь шестнадцатилетний сопляк. А своих ровесниц я ощущаю малолетками, переступить через это внутреннее «табу» не могу и не хочу.

Лида воспринимает моё молчание на свой счёт.

– Глупенький, – говорит она тем самым мурлыкающим тоном, от которого мурашки только усиливаются. – Он просто сосед мой. Мы с детства дружим, в одной песочнице куличики лепили. Он меня просто провожает иногда, чтобы пацаны не приставали. С тобой-то они всё равно приставать будут, а его боятся, – расчётливо разбивает она самолюбие Алика одной фразой.

– Ну так что ты во мне вообще нашла? – удивляюсь. – Ходила бы с ним и дальше, раз он такой грозный.

– Алик, ты в последнее время головой не бился? – Лида меня внимательно осматривает. – Ты забыл, о чём мы договаривались?

Кажется, Штирлиц близок к провалу.

– Экзамены, – жалуюсь я, – совсем в мозгу шарики за ролики закатились. Сочинение же послезавтра. «Я помню чудное мгновенье... Передо мной явилась ты...» – произношу с выражением.

– Вот теперь узнаю своего Алика, – смеётся Лида. – Готовься хорошо. На тебя вся надежда.

Мы останавливаемся около основательного двухэтажного дома. Два окошка в нём светится, а за шторами мелькает женский силуэт, но Лиду это не смущает. Живут они в этом доме вдвоём с матерью. Та работает на фабрике, не на руководящей, но вполне солидной хозяйственной должности, которую назвать мне никто не смог, но все описывали кратко и ёмко: "при колбасе".

Про свою ветреную одноклассницу я уже навёл кое-какие справки. Говорили про неё охотно и много, но редко когда хорошо.

Женская часть населения считала род Лиходеевых карой небесной, ниспосланной на Берёзов за какие-то неведомые грехи. Рождались в этой семье исключительно девочки, умудряясь передавать свою фамилию из поколения в поколение. Возможно, они размножались почкованием, как инфузории-туфельки.

При этом мужским вниманием Лиходеевы совсем не брезговали. Поэтому, говоря о Лидиной мамаше, непременно добавляли эпитет «шалава», а бабу и вовсе считали ведьмой.

Вот такую невесту себе выбрал Алик. Браво! Мои аплодисменты.

Перед домом пышно цветёт сирень. Запах стоит одуряющий. Мы обходим заросли и садимся на одиноко стоящую лавку. Теперь от улицы нас отделяют кусты, а окна дома находятся выше наших голов. Такой вот укромный уголок.

С этой самой лавки Алик и возвращался под утро, с распухшими от поцелуев губами.

Из тёмной кроны пирамидального тополя вдруг выдаёт трель соловей. Он самозабвенно щёлкает в ночной тишине. С высокой груши через дорогу ему отвечает второй. Птахи пыжятся, стараясь перепеть друг друга.

На душе растекается невероятная благодать. Сирень. Соловьи. Девушка красивая под боком. И пахнет вкусно.

– Лида, а что у тебя за духи?

– Красная Москва, – она придвигается теснее, – у мамы взяла, нравится?

Под влиянием момента кладу руку Лиде на талию, и она тут же прижимается ко мне.

– Ты обязательно всё сдашь на пятёрки, – шепчет мне она, – Не зря все учителя говорят, что ты самый способный в классе. Поедешь в Белоколодец и поступишь в свой политех. Тебе комнату в общежитии дадут и стипендию повышенную, как отличнику.

– А ты? – понимаю, что мы подходим к самой сути.

– А я к тебе приеду, – тёмные глаза смотрят прямо в глубину мальчишеской души, а пухлые губы шепчут, обещая, – приеду, и распишемся с тобой сразу.

– А родителям что скажем? – офигеваю.

– Ну что ты, как маленький! – Лида отстраняется. – Они не узнают ничего. А когда узнают, уже поздно будет. Нам с тобой отдельную комнату дадут, а может, и молодожёнку, – мечтает она. – Ты на работу устроиться сможешь...

– Так погоди, – останавливаю, – со мной всё понятно. А ты?

– Алик, ну мы уже договорились обо всём! – одноклассница злится, но держит себя в руках, – или ты из-за Копчёного обиделся?! Так ты подумай, не будет в Белоколодице никакого Копчёного. Только ты и я!

И она для убедительности прижимается ко мне упругой девичьей грудью. Такой аргумент, надо думать, действовал всегда. Тело колотит. Алик бы в таком состоянии душу дьяволу отписал бы, не то что своё ещё неясное будущее.

Видать, такие разговоры о будущем ведутся не в первый раз, и Алик раньше не взбрыкивал и охотно впрягался в уготованное ему ярмо. Отсюда и интерес. Я для Лиды билет первым классом до областного центра. Моё желание разузнать подробности она воспринимает как попытки мухи вырваться из паутины.

Вся эта лавочка вместе с сиренью и соловьями кажется мне теперь ловушкой, в которую поколения Лиходеевых заманивали мужиков, чтобы охмурить их и использовать в своих личных целях.

Самой Лиде ВУЗ или техникум не светит. Про таких говорят: «Девочка, ты отличница? – Нет, я удовлетворительница!». Учителя Лиходееву терпеть не могут, и та отвечает им взаимным презрением. Удивительно, как она после восьмого класса не вылетела. Наверняка, мама со своей колбасой приложила к этому руку.

С «волчьим билетом» Лиду никто выпускать не будет. Это скандал и проверки из РОНО. Но с её тройками дальше ПТУ глухо рваться. Или удачно замуж выйти. За меня, угу.

– Заниматься ты чем будешь?

– В театральное поступлю! – говорит и сама себе верит, – я рождена для сцены, а не для этого всего. Правда ведь, Алик?!

И это у них наверняка с Аликом говорено-переговорено. Млеет он от стервы Лиды и поддерживает её в театральных потугах. Наверно в мыслях представлял, как будет выходить на сцену с большим букетом под аплодисменты огромного зала.

В Белоколодицке и вправду есть училище искусств и ремёсел. В будущем оно станет называться колледжем, но сути своей не поменяет. Конкурс туда во все времена был по два десятка человек на место по всем специальностям, кроме библиотечного дела. Никто не хочет глотать книжную пыль. Все хотят на сцене блистать.

– Так мне в армию через год, – уточняю, – ты на отсрочку рассчитываешь?

– На какую отсрочку? – удивляется Лида.

– На такую, – беспцеремонно поглаживаю её по животу.

– Да ты что! – она вскакивает с лавочки. – Фигуру портить?! Кто мне после этого роли даст?! Ну, сходишь ты в свою армию. Все служат, и ничего. Комнату же не отберут. А я тебя дождусь, не сомневайся!

И глаза такие честные-честные.

Фууххх... прямо камень с души. Главное, что пополнение в семействе Лиходеевых не планируется. Все прочие Аликовы обещания можно и на тормозах спустить. На основании взаимного нарушения договорённостей.

И вообще, выслушав Лиду, я чувствую немалое облегчение. Куда хуже, будь у них это взаимная любовь-морковь. А тут только житейские планы одной начинающей, но наглой хищницы.

Так и подмывает послать её куда подальше, и полюбоваться изумлением в бесстыжих глазах. Будь я моложе лет на пятнадцать, так бы и сделал. Вот только пользы от такой эскапады не будет никакого. Одна нервотрёпка.

Я ведь не просто Лиду обломаю. Вся её хитровыкрученная комбинация по женскому половому органу пойдёт. Такого она Алику не простит, и всю свою дурную бабскую энергию направит на разного рода пакости.

Слухи, провокации, истерики... Знаю я весь подобный арсенал. Еще и Копчёного со своей бандой натравит первым делом. А я к этой встрече не готов. У меня экзамены на носу.

Теперь я понимаю, что Лидка не случайно "разводит по углам" своих поклонников, а не стравливает нас себе на забаву. Она бережёт Алика, поддерживая в нём веру, что он и есть её единственный и неповторимый.

Провинциальная стервочка и не подозревает, что в эту игру можно играть вдвоём.

– Я тут подумал, – говорю, – Кущина ведь тоже в политех поступает...

– Поступает, – удивление в ответ, – и что?

Алла Кущина наш комсорг. Это она на фотографировании призывала нас довериться товарищу Комарову, утверждая, что он всё разрулит. Снять с неё очки, расчесать космы, и получится очень милая девчушка. Вот только она не позволит творить с собой подобные вольности.

– Она ведь отличница, – держу покерфейс, – если мы с ней распишемся, нам могут сразу двушку дать!

Лидка ловит ртом воздух, словно её под дых ударили. Не ожидала от лопухого, как щенок спаниеля, Алика, такого цинизма.

– Как же так, – говорит, а глаза на мокром месте, – ты ж меня любишь! Меня одну!

– Двушка, Лид, – упираюсь в неё взглядом, – уж ты-то понимать должна!

И ведь понимает, вот в чём дело. Потому и боится до усрачки. Алик в её глазах как упущенная прибыль. Нет в них ни капли переживания, только один расчёт.

– Так ведь, и я тебя люблю! – пускает она в ход последний козырь.

И тянется ко мне поцелуем.

– Лида, – останавливаю её, положив палец на губы, – экзамен послезавтра. Мне ещё «Как закалялась сталь» перечитывать. Завалю сочинение, тогда ни политеха, ни общежития точно не будет. Тебе ведь до дома близко? Вот и хорошо. А я пойду.

Чмокаю её в щеку дружески и резко поднимаюсь, оставляя Лиду в растрёпанных чувствах и глубокой задумчивости.

Женский мозг имеет одно интересное свойство. Стоит подкинуть ему какую-нибудь идею, и он начинает думать о ней не переставая. Мужик может забыть, напиться, отвлечься. А вот женщина будет накручивать и накручивать себя, пока не надумает то, что сама захочет.

К утру ценность Алика, до этого момента, в общем-то, бросовая, ибо «куда он денется с подводной лодки», взлетит как акции Эппл после презентации айфона, а ни в чём не повинная Алла превратится в стерву-разлучницу.

Есть ещё одна причина, по которой мне не хочется окончательно посылать местную королеву красоты. Она мне нравится. Не как девушка, а как модель.

Это поэты могут себе выдумать «мимолётное виденье» и выбрать в качестве музы хоть античную богиню, хоть воображаемую подругу, хоть жену соседа, причём даже не ставя ту в известность. «Посвящается К...»!

Фотографу нужен некто материальный, чтобы поставить в позу... выбрать ракурс... Чёрт! После близкого общения с Лидой организм никак не хочет переходить в плоскость чистого искусства.

У Лиды есть и природные данные, и темперамент, и яркая внешность. Не случайно в будущем я выбрал на вечеринке почти точную её копию. Этим сходством судьба мне словно намекает на что-то, а я верю в свою удачу.

Кроме Лиды, на роль модели годится только редакторша Подосинкина. Но там сплошной мезальянс. Где простой выпускник, и где главный редактор районной газеты... не знаю даже, как она называется. Хотя улыбается она мне вполне приветливо. И мы уже на «ты»...

Перекаывая в голове приятные мысли о коварной брюнетке и эффектной блондинке, открываю родную калитку. Снова кошка что ли? Меня накрывает дежавю. В тени у крыльца кто-то не то мяучит, не то хнычет. Подхожу ближе и понимаю, что мысль материальна.

На ступеньках, обхватив ладонями коленки и понуро опустив голову, сидит няша-редактор. Звуки, похожие на мяуканье она издаёт распухшим от слёз носом. Сажусь перед ней на корточки и беру за руку, и только тогда она замечает меня.

– Алик? – всхлипывает она, – ты говорил, что всё и всегда делаешь хорошо... а меня теперь из комсомола выгонят...

– За что? – не понимаю.

– Прости, – Подосинкина встаёт и её ведёт в сторону. Едва успеваю подхватить под руку. – Зря я пришла... ты не виноват... это моя ответственность... мне просто не к кому пойти... все только рады будут...

Чувствую лёгкий запах алкоголя. Хорошая девочка решила принять лекарство от душевных ран и не рассчитала с дозой.

Будь я в своём прежнем теле, подхватил бы хрупкую комсомолку-спортсменку на руки и отнёс бы домой. Возможно, даже к себе. Здесь же приходится закинуть её руку себе на шею и обхватить за талию.

– Ннне нннадо... – неуверенно отказывается она.

– Надо, Федя, надо...

– Я не Федя... я Марина...

– Тем более надо.

Нам везёт. На улице никого. Конечно же, это не шесть утра. Ночь стоит глубокая, часов одиннадцать уже. Никто не видит нашей двусмысленной прогулки.

По дороге вытаскиваю из редакторши подробности. Ей надо выговориться, слова льются потоком. Потому няшу и понесло с пьяных глаз к единственному человеку, который был в курсе её горя.

Приезжий оболтус оказался штатным фотокором областной газеты «Знамя Ильича». В Берёзов он приехал по редакционному заданию, набрать материал сразу для нескольких статей. Фотографирование выпускного класса было традиционным бонусом, о котором районное начальство традиционно договаривалось с областной прессой.

Работник местного фотоателье, находясь глубоко в пенсионном возрасте, с современной техникой не дружил и справлялся только со своим стационарным ящиком, из которого вылетала птичка. А запихнуть выпускной класс в крохотную студию было делом невыполнимым.

После пяти часов тряски по дороге, считавшейся асфальтовой только на топографических картах, командировочный заблажил и отказался работать на голодный желудок.

– Я не виновата... что приготовить ничего не успели, – клянётся няша, – по графику мы через два часа должны были обедать.

Пока на кухне райкомовской столовой экстренно жарились котлеты и строгались салаты, гостю выставили на стол то, что было в наличии. Хлеб и водку. Чтобы не скучал. Когда через двадцать минут принесли горячее, оно уже было неактуально.

После фиаско со школьным фото, репортёр посвежел, развеялся и снял доярку-рекордсменку с самой выдающейся коровой, бригадира скотников, участников самодеятельности в ДК и, самое главное, победителя соцсоревнования товарища Долгополова, директора колбасной фабрики.

Но когда плёнку проявили, на ней оказался сплошной брак. Статья про соцсоревнование и его победителя слетела с передовицы областной газеты. Главный редактор был в бешенстве, Долгополов негодовал. Скандал добрался до обкома партии.

Вот тогда и всплыла фамилия безответственной блондинки Подосинкиной, при попустительстве которой неизвестный школьник «взял поиграть», несмотря на протесты фотографа, дорогую технику и привёл её в негодность.

– Меня давно отсюда выжить хотят, – подводит итог няша, – а без комсомольского значка даже уборщицей в газету не возьмут.

К концу рассказа она окончательно сникает и только механически переставляет ноги, а я отвечаю за то, чтобы держать её при этом в вертикальном положении.

Дверь в её доме открыта. Это предсказуемо, тут даже в девяностые на замки не запирались.

Живёт редакторша в окультуренной избе-пятистенке, только маленькой, словно игрушечной. Такой декоративный домик для одинокой молодой девушки. Бывшие сени совмещают функции прихожей и кухни.

Большая комната разделена на две половинки стоящий посередине печкой. С появлением газового отопления печь выполняет декоративные функции, но разбирать её никто не торопится. Мало ли что. Лежак заставлен стопками книг и подшивками журналов. В углу приутился старый плюшевый медведь.

Слева от печки стоит разложенный и застеленный диван. Рядом с ним кресло и журнальный столик. На столике следы редакторского «загула»: открытая коробка конфет «Ассорти» и бутылка ликёра «Старый Таллин» опустошённая наполовину вместе с недопитым стаканом.

Уже внутри подхватываю няшу на руки и укладываю на диван. Она засыпает, едва коснувшись ухом подушки. Снимаю с её ног легкие, похожие на теннисные, тапочки и укрываю лоскутным «бабушкиным» одеялом.

Стакан пахнет травами и корицей. Ликёры – штука коварная, особенно на пустой желудок. Градусов больше чем в водке, да ещё с сахаром. Убийственное похмелье гарантировано. Завтра я Подосинкиной не завидую. А ведь именно завтра состоится «разбор полётов», которого она так боится.

Заглядываю из любопытства в правую половину. Там у няши оборудован домашний кабинет. На письменном столе пишущая машинка не первой молодости, стопки серой писчей бумаги, рукописные записи... В машинку заправлен лист, заполненный текстом наполовину.

... Комсомольцы-свекловичники взяли на себя передовое обязательство... Товарищи-свекловоды, каждый упущенный день... каждый час уносит центнеры будущего урожая... нельзя оставаться равнодушными...

Любит Марина Подосинкина свою работу, потому и переживает.

Перед тем как уйти, зачем-то снова смотрю на спящую редакторшу. Она по-детски причмокивает губами и улыбается во сне.

Глава 7

Первый секретарь Берёзовского райкома КПСС Сергей Владимирович Молчанов, хотя и был женат, уже больше года варил себе по утрам кофе самостоятельно. Дело не в том, что он выступал за семейное равноправие или был любителем самого процесса.

Его супруга, Нюся Молчанова, находилась в данный момент за двести шестьдесят километров от него. И это, если напрямую по карте, а по атласу автомобильных дорог СССР выйдет раза в полтора дальше.

Профессорская дочка, звезда университетской самодеятельности, жгучая брюнетка Нюся отказалась следовать за Сергеем Владимировичем в «засранный Мухомрищенск». По образованию Нюся была филологом, на досуге писала стихи и прекрасно разбиралась в русской словесности. Немногие, но весьма пылкие поклонники её таланта отмечали, что определения она умела подбирать исключительно точно.

Робкие намёки Молчанова на жён декабристов разбивались о высокомерное Нюсино: «пфффф!». Сергей Владимирович был человеком интеллигентным, а потому, мягким и разговаривать с женщинами не умел.

Пока Молчанов находился в должности второго секретаря обкома комсомола, с просторной служебной квартирой, персональным спецпайком, контрамарками на концерты всех приезжих знаменитостей и ведомственным санаторием, он был «пусечкой». Но едва капризная Фортуна отвернула от аппаратчика свой светлый лик, он тут же превратился в «зануду» и «чурбана», на которого были потрачены лучшие годы.

Причём личной вины Молчанова во внезапной опале не было никакой. Просто кому-то из «старших товарищей» показалось, что карьера Молчанова развивается чересчур быстро. Ничей не сын, не сват, едва разменял третий десяток, а уже метит в аппарат обкома. Самое время поиграть в любимую номенклатурную игру. Закинуть человечка в дерьмо, и поглядеть, как он там побарахтается.

«Мы возлагаем на вас большие надежды», – перед глазами у Молчанова до сих пор стояла лисья физиономия инструктора обкома КПСС по кадрам товарища Дубовца. – «Проявите себя на руководящей работе, так сказать «на земле», и тогда можете рассчитывать на дальнейший карьерный рост».

Сергей Владимирович был реалистом. На единственное «повышение», главы таких вот отдалённых районов уходили только «вперёд ногами». По характеру Молчанов был бойцом и рук не опустил. Но разлука с женой и постоянно волнение за окружённую поклонниками богемную Нюсю сильно выбивали из колеи.

Так что Молчанов не признался сам себе, но скандалу с Подосинкиной он в глубине души даже обрадовался. Будет повод добраться до Белоколодицка, повидать поэтичную супругу и в очередной раз попросить у неё прощения. Не важно за что. Поэтому он остановил уже готового к поездке Комарова, и заявил, что лично будет сопровождать проштрафившегося главреда на административный разнос.

Первый секретарь замер перед зеркалом, завязывая широкий ГДР-овский галстук, в надежде хотя бы своим видом произвести на Нюсю впечатление.

А что касается молодой редакторши, так её всё равно съедят, рано или поздно.

Едва Подосинкина появилась в райцентре, на неё сразу стали писать жалобы. Молчанов и сам отнёсся к столичной фифе с предубеждением, но скоро убедился – дело отнюдь не в ней. Газета «Вперёд!» под руководством нового редактора стала активней и зубастей. Её даже начали читать жители Берёзова. Ну как такое простить?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.